

Константин БЕСТУЖЕВ-РЮМИН

РАННЯЯ ИСТОРИЯ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА

**Константин Николаевич Бестужев-
Рюмин**

**Ранняя история
Русского государства**

Серия «Неведомая Русь»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73958377
Ранняя история Русского государства: Вече; Москва; 2025
ISBN 978-5-4484-5618-3*

Аннотация

Константин Николаевич Бестужев-Рюмин (1829—1897) — знаменитый русский историк, академик, профессор, директор Высших женских курсов, также известных как Бестужевские курсы, наставник членов императорской фамилии. Он был одним из первых отечественных источниковедов, а первые свои работы опубликовал еще до защиты магистерской диссертации. Теперь они, впервые собранные под одной обложкой и изначально задуманные как научно-популярные, представляют собой увлекательное чтение, позволяющее читателям познакомиться с видением прошлого средневековой Руси глазами одного из основателей отечественной исторической науки.

Содержание

От составителя	5
О крещении Руси, о Владимире Святom, о сыновьях его и о монастыре Печерском	8
Князь Владимир Всеволодович Мономах и потомки его Мономаховичи	120
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Константин Николаевич Бестужев-Рюмин Ранняя история Русского государства

*** * ***

© Боровков Д.А., составление, предисловие, 2025

© ООО «Издательство „Вече“», 2025

От составителя

Константин Николаевич Бестужев-Рюмин (1829–1897), племянник декабриста М.П. Бестужева-Рюмина, казненного в 1826 г., учился на историко-филологическом и юридическом факультетах Московского университета (1847–1851), где его преподавателями были К.Д. Кавелин, С.М. Соловьев, Т.Н. Грановский. В середине 1850-х – середине 1860-х гг. занимался преподавательской и журналистской деятельностью в Москве и Санкт-Петербурге. В 1863 г. избран членом Археографической комиссии.

В 1865 г. в качестве исполняющего должность доцента К.Н. Бестужев-Рюмин возглавил кафедру русской истории в Санкт-Петербургском университете после отставки Н.И. Костомарова несколькими годами ранее. В 1868 г. защитил магистерскую диссертацию «О составе русских летописей до конца XIV века», за которую ему была присуждена степень доктора русской истории. В 1868–1884 гг. – ординарный профессор университета; первый директор Высших женских курсов, названных по его фамилии Бестужевскими (1878–1882); тайный советник (1884); академик Императорской Санкт-Петербургской академии наук (1890). Глава научной школы, к которой принадлежали Е.Е. Замысловский, С.Ф. Платонов, Е.Ф. Шмурло, В.И. Семеvский, А.С. Лаппо-Данилевский и др. Преподавал русскую историю членам импера-

торской фамилии – великим князьям Александру Александровичу (будущий император Александр III), Константину Константиновичу (КР) и др.

В своих работах К.Н. Бестужев-Рюмин сформулировал принципы источниковедческого и историографического исследования, ввел в научный оборот русской историографии термин «источниковедение». Его главный труд «Русская история» (1872–1885), доведенный до кончины Ивана Грозного, был построен как справочное пособие, в котором наряду с изложением исторических фактов большое внимание уделялось обзору источников и изложению различных гипотез, но при этом отсутствовала обобщающая концептуальная оценка, что являлось характерным для методологии позитивистов.

«Русская история» представляет собой заключительный этап формирования концепции К.Н. Бестужева-Рюмина, в то время как еще до защиты магистерской диссертации он опубликовал ряд научно-популярных очерков: «О Крещении Руси, о Владимире Святом, о сыновьях его и о монастыре Печерском» (1864), «Князь Владимир Всеволодович Мономах и потомки его Мономаховичи» (1865), «О злых временах татарщины и о страшном Мамаевом побоище» (1864), «О том, как росло Московское княжество и сделалось Русским царством» (1866). Эти работы, впервые собранные воедино в настоящем издании в современной орфографии, позволяют получить представление о начальном этапе науч-

ной деятельности К.Н. Бестужева-Рюмина, из которого впоследствии выросла имеющая уже более специализированное содержание «Русская история».

Д.А. Боровков, кандидат исторических наук

О крещении Руси, о Владимире Святом, о сыновьях его и о монастыре Печерском

Откуда произошел русский народ. — Про предков наших — славян. — Кто у них враги были. — Как наши предки жили. — Про веру языческую. Какие боги водились у славян, и как они назывались. — Кому платили подать наши предки, и зачем они призывали первых князей. — Про Киев. — Про первоучителей славянских. — Первые князья русские. — Про Олега Вещего. Про Игоря. Про воеводу Свенельда. Про Св. Ольгу Премудрую. Ее крещение во св. веру. Про Святослава и битвы его. Свидание его с Цимисхием. Смерть Святослава. Битвы между сыновьями его. — Про князя Владимира Красное Солнышко. — Про Рогнеду. Про первых русских мучеников за святую веру. — Владимир вознамерился принять святую веру. Его беседы с послами от разных вер. Собирает совет. Посылает послов. Вера греческая пленяет князя. — О том, как крестился Владимир, и как крестил он народ русский в реке Днепре. — Бунты народа русского против новой веры. — Про волхвов на Волге, в Новгороде. — Как распространялась вера Христова в Ростовской земле, в Муромской земле, у вятичей. — Про церковь Св. Богородицы в Киеве. — Про печенегов и про битвы с ними. — Смерть Владимира Святого и Равноап-

остольного. — Святополк Окаянный. Убиение св. князей Бориса и Глеба. — Ярослав мстит за смерть братьев. — Про Мстислава Удалого. — Ярослав издает первые русские законы. Ставит первого митрополита русского. Заводит первые училища. Перед смертью пишет завещание детям. — Св. преподобный Антоний Печерский. — Св. преподобный Феодосий Печерский. Житие его. — Про святые пещеры киевские и про святых подвижников их. — Св. Варлаам. Св. Никон. — Св. Ефрем. — Про Печерскую обитель и строгость общежития.

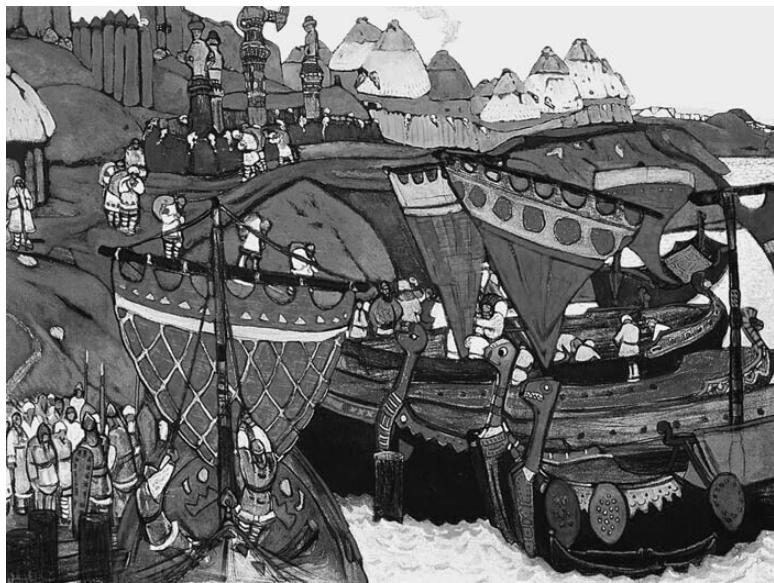
15-го июля празднуем мы память святого равноапостольного князя Владимира, а равноапостольным он назван за то, что крестил Русскую землю и стали с той поры русские люди христиане, а прежде были идолопоклонниками: идолам поклонялись, а в истинного Бога не веровали. Как же жили люди русские до крещения, как крестил их Владимир, и как вера православная принялась в Русской земле — обо всем этом мы и поговорим теперь.

Русский народ племени славянского и вместе с братьями своими, другими славянами — поляками, чехами, болгарами, сербами и другими — пришел в свою теперешнюю землю во времена незапамятные из стран, соседних с богатою Индией, о которой в песнях поют и где теперь англичане владеют. Называются эти все народы одним именем, славяне, потому что, с каким из них ни заговорим по-русски, каждый поймет нас хоть немного; а заговорим с немцем, так если он не учил-

ся по-русски, то совсем не поймет. Оттого и называют его немцем — *немьм*. Жили сначала славяне по Дунаю и до сих пор в песнях поют о *тихом Дунае*, да пришли разные другие народы и прогнали их с Дуная; тогда поселились они дальше, на полночь, а после, впрочем, часть их (сербы и болгары) опять пробралась к Дунаю, там и живут до сих пор. Теми дунайскими славянами завладели турки и до сих пор держат их под своею властью.

Много было славян, и велика была земля их от Эльбы (р. в земле немецкой) до Волги, от Балтийского моря и Ильмень-озера до Дуная и моря Черного, да погубило славян то, что жили они не в ладу между собою, а каждый особняком, да еще ссоры завязались между ними. Воспользовались этим немцы, покорили себе многих славян и онемечили их так, что теперь только по названиям городов да рек, да по старой памяти можно догадаться, что жили тут когда-то славяне; зато русские люди разошлись по таким землям, где прежде славян и не слыхали: заняли всю Сибирь и сделали ее русскою. Здесь некогда нам рассказывать о других славянах и о том, что было с ними, мы помянули о них только к слову, а поговорим о славянах русских. Поселились они по рекам Днепру, Волхову, Припяти, Оке и другим и назвались разными именами: которые поселились по Днепру, около Киева, назвались поляне; которые поселились по Двине (той, что пала в Балтийское море) да по верховьям Днепра, назвались кривичи; которые жили у Волхова около Новгорода, на-

звались славяне; в лесах (Волинской губернии) поселились древляне. Были и другие, о них скажем, когда придется к слову.

Славяне на Днепре. Художник Н.К. Рерих

Славяне любили больше жить в деревнях, а не в городах. Города их – Киев, Смоленск, Новгород, Чернигов – были обнесены деревянной стеною или окопаны валом, и строение в них было все деревянное: лесу было тогда вдоволь, и в лесах водились звери, которых теперь и не слышать в наших

краях, хоть бы бобры. Леса были дремучие, непроходимые, оттого ездили больше реками: так все реками спускались от Невы до Черного моря: Невою, Ладожским озером, Волховом, Ловатью и потом волоком (сухопутьем) в Днепр; а оттуда в Черное море и в Царьград; из Муром в Киев ехали Окою, Угрою, потом волоком к Смоленску и Днепром спускались в Киев. Сухопутьем почти что и проехать было нельзя: славились леса муромские и брянские, грязи и топи смоленские. Оттого до сих пор в песнях поминается, как богатыри рубили леса и мостили мосты калиновые. В деревнях славяне жили враздробь, каждая семья особо. Вот как рассказывают о построении славного города Киева. Были три брата: Кий, Щек и Хорив; каждый поселился со своею семьею на особой горе, построили город и назвали его Киев, по имени старшего брата. Город в старину значил крепость, стало быть, город построили затем, чтобы, в случае нападения неприятельского, снести туда всю свою рухлядь, а сами в городе не жили. По Руси много и теперь сохранилось окопов (называются они *городищами*), те окопы, должно быть, и были такими городами. Иностранцы, которые видели тогдашних славян, говорят, что они жили в дурных избах; камня у них не было, да и строить каменных домов не стоило: в то смутное время нападёт враг, все сожжёт и разломает, а деревянной избы не так жаль, как каменного дома. А врагов тогда было много в те непоседные времена: в степях между Волгою, Доном и Днепром, близ Черного моря вечно кочева-

ли народы, похожие на нынешних калмыков, которым при-
вольно в степи: съел скот весь корм – он идет себе дальше.
А славяне в то время, как уже сказано, жили маленькими
племенами, стало быть, напасть на них, ограбить и заставить
платить дань было очень легко. У славян, которые жили по
Днепру, были враги, это – кочевые народы, в то время хаза-
ры, потом печенег, а там половцы, после татары; у иных из
этих народов и города заводились: у хазар – Этель (Итиль. –
Прим. ред.), где нынче Астрахань, но все-таки по быту и при-
вычкам они оставались похожими на народы кочевые.

У Новгорода были свои враги: за морем, где теперь Шве-
ция, жили варяги; земля у них бедная, а они были храбры,
хорошие мореходцы, и стали они заниматься войною, вели
ее сами от себя или нанимались к тем, кому нужно бы вести
войну. Был у них такой обычай: если которому королевско-
му сыну не достанется наследства, он наберет удальцов, при-
готовит корабль да и плывет с ними, куда вздумает, чтобы
пограбить и повоевать. Таких удальцов называли *морскими
королями*. По их вере, только тот и попадал в рай, кто убит в
бою. Проводали эти удальцы, что за Русью есть богатое цар-
ство Греческое, где город Царьград (нынче им владеют тур-
ки), а у царя греческого своего войска нет, и войско он на-
нимает. Проведав это, стали варяги ходить в Черное море по
тому пути, о котором сказано, и по дороге, конечно, притес-
няли славян.

Такие сильные враги были у наших славян, а сами они жи-

ли не в куче: земли было много, а народу мало; на беду еще и между собою они жили не дружно, так против врагов не могли защититься. Занимались они хлебопашеством, водили пчел в бортях, а те, кто жил в лесах, ловили зверей. Шкурами, медом и воском торговали они с окольными народами, которые присылали им деньги и разные фабричные изделия. Где теперь Казань, жили тогда болгары. Эти-то болгары вели торговлю с отдаленными землями и к нам по Волге присылали разные товары; от них-то и шли к нам, на Русь, деньги, эти-то древние деньги и теперь находят в разных кладах. Деды наши боялись держать деньги при себе, а больше зарывали их, оберегаясь от врагов, чтобы не пришли да не ограбили. Там, где теперь Пермь, жили другие торговые народы: пермь, югра; от них получали меха пушного зверя сибирского. Из Греции получали наши славяне разные дорогие ткани и вина, их-то и продавали болгарам. Такой торг шел уже в те времена. Трудно было жить тогда купцу: ни дороги спокойной, ни удобства какого; даже весть передать трудно: почты не ходили, жди оказии; постоянных дворов тогда не знали, а зашел по пути во всякий дом – угостят и не возьмут ничего за то; не угостить странника считалось тогда нечестным; даже украсть позволено было для гостя, коли своего ничего в дому не случилось.

В каждой семье хозяином был отец или дед, если дед еще был жив. Он распоряжал работы. В деревнях старики сходились на сходку и миром вершили все дела и суд судили. В

город сходились на сходку из окольных деревень; на этой же сходке выбирали и князя (у некоторых племен были свои выборные князья). У одного из славянских племен (в нынешней Австрии) вот как в старину выбирали князя: выборы делались в роще или в поле, близ большого камня. Выбрать надо было единогласно; для всех дел на сходках, по-тогдашнему вече, нужно было единогласие; потому сходки нередко оканчивались дракою; если не соглашались долго, то позволялось старшим жечь дома и портить поля, чтобы показать, как плохо жить без судьи. Когда выбирали кого, то сажали его на камень и спрашивали: будет ли он судить по правде, будет ли защитником сирот? Дом князя считался священным; кто убежал туда, того не могли трогать. Князь пользовался таким почетом, что даже в схватках славянин не смел поднимать на него оружие. Для суда князь ездил по разным местам своего княжества, где к нему сходились все, кому было на что пожаловаться. За убийство сначала родичи убитого мстили всему его роду и часто истребляли этот род до последнего; потом, чтобы не проливалось много крови, стали откупаться деньгами (у нас, вместо денег, платили долго шкурами зверей). Князья были, однако, не везде; иные племена управлялись без князей, миром, в других князья выбирались из одного рода, как бы по наследству. Писаных законов не знали, а судили по старине, как велось искони, потому и слушались стариков: им старина известнее, они люди опытные, бывалые. Оттого-то и на сходках сначала бывали

только старики.

Старики же и богам молились за весь свой род. Сказано уже, что славяне истинного Бога не знали, а молились богам вымышленным. Так было сначала и у всех народов, кроме евреев, которым дан был Моисеев закон, и было так до самого Рождества Христова. Прежде люди, видя, что солнце ходит по небу, думали, что это бог едет в колеснице; гром гремит – это другой бог ездит (и до сих пор у нас верят, будто гром гремит оттого, что Илья-пророк катается по небу: это остаток язычества, только имя переменили – вместо Перуна, так звали прежде бога-громовника – говорят: Илья), болезнь ли постигнет людей, это значит, третий бог стреляет из лука, в кого попадет, тот и заболит. Не знали люди, что единый Бог все установил в своей премудрости и что, по Его святому слову, держится все в мире. У каждого племени славянского был свой главный бог; у нас он назывался Перуном и был богом грома и молнии.

Песнь Перуну. Художник П.И. Субботин-Пермяк

Кроме того, славяне поклонялись солнцу и звали его *Даждь-богом*, придумали ему и отца, и звали этого отца *Сварогом*, богом неба. Думают, что прежде, когда еще они не уселись по местам, они переходили и путь свой держали по звездам: оттого и придумали бога *звездистого неба* и называли его *Сварогом*; а потом, когда уселись, стали пахать землю, тогда для них солнце стало нужнее звезд, и стали они поклоняться солнцу и придумали, что солнце – сын их прежнего бога. Заметили они, как нужны грозы для удачи в их деле, и стали поклоняться богу грома, *Перуну*, и, как страшный бог, он скоро сделался у них первым. Был у них, должно быть, и

бог земледелия: у нас в песнях до сих пор поминается Микулушка Селянинович, у которого:

Сошка была позолочена,
Омешки были булатные.

Богатырь Вольга ехал несколько дён и все не мог догнать ратая; только и остановил он его добрым словом. Послал он свою силу рать великую обрать ту сошку. Рать с сошкою не совладала; подходит к сошке Микулушка и пихнул ее:

Как улетела та сошка к подоблакам,
Пала сошка о сыру землю,
Ушла сошка до рогача в землю.

Когда Илья Муромец собирается выходить на свой подвиг, отец заповедует ему не биться с тем, с другим богатырем, и говорит под конец:

Не бейся ты с родом Микулиным,
Любит его матушка сыра земля.
Стало, Микулу чествовали в старину на Руси.

У братьев наших чехов и ляхов есть тоже рассказ о таком ратае. Вот чешская сказка. Была у чехов княгиней вещая дева, Любуша, которая праведно судила народ свой, и до сих пор еще вспоминают об ее судах. Начал народ роптать на то,

что правит им девушка, и просил ее выйти замуж. Любуша сказала послам, которых к ней нарядили: «Ступайте на *Белую* реку и там на поле *стадниче* найдете вы ратая, который пашет двумя пегими волами: он будет обедать на железном столе, тот человек и будет нашим князем». Дала она им в проводники своего белого коня. Конь привел их к тому месту, где был ратай, и пал перед ним на колени. Ратая звали *Премысл* (у ляхов тоже рассказывают, что выбрали они когда-то себе в князья Премысла). Прежде чем идти к послам, стал ратай обедать и на соху положил свой обед: хлеб и сыр (вот и железный стол). Пока он обедал, быки поднялись на воздух, расселась каменная гора, они в нее ушли, и гора опять сдвинулась.

Вместе с пахотою славяне разводили стада, и был у них бог стад *Волос*, и до сих пор завивают Волосу бороду, т. е. завязывают один сноп на поле.

Мертвых своих иные славяне сжигали и ставили пепел в столбах при дороге. После похорон устраивали тризну, т. е. поминки, на которых бились и дрались между собою. Они верили в то, что душа живет и после смерти, думали, что душа является иногда к родным; а всегда души, по их вере, жили на острове Буяне, на море-океане. На Масленой до сих пор поминают усопших блинами: это остаток язычества. В то темное время человек всюду думал видеть богов: в лесу – леший, в воде – водяной, в доме – домовый; один, без помощи богов своих, шагу ступить не смел, и богов своих он считал

такими же людьми, оттого и в жертву им приносил разные кушанья; в старину это называли *покорм*. Сначала, однако, люди не делали идолов, а только ходили на горы да в леса и там молились своим богам, а потом стали строить храмы и делать кумиров. В ту пору стали приносить им в жертву животных и потом, особенно когда появились христиане и стали говорить, что боги их – дерево, и есть один Бог на небе, стали славяне приносить и людей в жертву.

В честь своих богов установили славяне праздники: авсень и коляда (перед Рождеством); Масленица, Красная горка (когда чествовали весну); семик и зеленые святки (Троицын день; зовут их и русальями); купалу, когда, чтоб очиститься, скакали через огонь и искали траву папоротник. На этих праздниках сходились парни с девицами, в хороводах: выбирали каждый себе невесту; часто даже уводили, потому что в старину неохотно отпускали девушку в чужую семью. Когда так похищали девицу, родные ее часто гнались, догоняли, начиналась драка; иногда, съехавшись, мирились и жених платил выкуп, что тогда называли *вено*. Потом уже у тех племен, которые занимались земледелием, стали выдавать охотно и давать приданое. У славян было позволено иметь много жен; но так бывало только у князей да у богатых, а у простых людей было всегда по одной. Когда умирал князь, то, говорят, жены его сжигались с ним. Жены нередко ходили с мужьями своими в поход у тех славянских племен, которые занимались войною, оттого и до сих пор в песнях

поминаются женщины-богатыри. «Сказка – складка, а песня – быль»; в песне сохраняется память о том, что было во времена стародавние, да за давностью времени кое-что перепутано: одно то держится прочно и навеки сохраняется, что записано; а что остается только в памяти, то можно и забыть и спутать, а все-таки в памяти остается много такого, что в самом деле было.

Так жили наши славяне, когда, за тысячу лет тому назад, начали брать дань варяги с Новгорода и племен славянских и финских, которые жили около него. Финны (чудь, чухны) старожилы нашей земли Русской: пришли они сюда прежде славян и, как народ мирный, робкий, отходили все далее и далее на север (на полночь), потому что славяне, размножаясь, все дальше и дальше заводили свои селения, а финны все отходили, и до сих пор много их живет между нами. Мордва, зыряне, чухны и другие – все это народы одного корня, все говорят похожим языком. В то же время хазары положили дань на полян киевских и другие окольные племена и заставили платить по белке со двора.

Всадница. Поленица удалая. Художник А.П. Рябушкин

Надоело новгородцам платить дань варягам, вздумали они от них избавиться; удалось им прогнать варягов, и стали они по-прежнему вольными, да ненадолго: как и все славяне, не умели они уживаться в мире между собою; начались ссоры; род встал на род, не было у них правды. Тогда, с горя, они стали искать чужого человека, третьего, который был бы судьей между ссорившимися, и отправили за море к варягам – руси (должно быть, не тем, которых выгнали) и велели сказать им: «Земля наша велика и обильна, а порядку у нас нет; идите княжить и владеть нами». В совете с новгородцами были чудь (финское племя, которое жило в нынешней Эстляндии, где Ревель, и Псковской губернии), *весь* (финский народ, живший у Белого озера, там его и следов нет), часть *кривичей* (народ славянский, жил по Двине и верховьям Днепра; города у него *Смоленск, Полоцк и Изборск*).

Пришли к ним три брата: *Рюрик, Синеус и Трувор*, и разделили между собою землю: Рюрик сел в Новгороде, Синеус – на Белоозере, а Трувор – в Изборске. Это было в 862 году, а в 864 году братья умерли; Рюрик остался один и посадил в города людей из своей дружины, которые пришли с ним. Прежде войска не было, а каждый князь собирал себе дружину из охотников и вместо жалованья награждал их землею, или данью с разных покоренных народов, делил с ними добычу с завоеванных земель, или поручал им суд; а в старину за суд платили судье те, которые по суду оставались

виноватыми. Вот был и доход дружине. Из дружины после вышло дворянство.

Были у Рюрика два мужа: *Аскольд* и *Дир*, и отправились они служить в Царьград, куда всегда ходило так много варягов. И пошли они по Днепру, увидели на горе городок и спросили: «Чей городок?» Им отвечали: «Были три брата: Кий, Щек и Хорив, построили город и умерли, а мы теперь платим дань хазарам». Аскольд и Дир остались в Киеве, созвали к себе варягов и сделались князьями той земли. Отсюда задумали они идти уже не служить в Царьград, а громить его: знали, что у царя греческого много денег, и надеялись, что он даст им богатый выкуп. Собрали они двести лодок, а лодки тогда делали такие легкие, что как дойдут до порогов днепровских, то берегом переносили их на себе. Собравши лодки, пошли на них Днепром в Черное море, а оттуда в Царьград. Царя в то время не было в столице; к нему послали весть, что пришли враги к самому городу. Царь воротился, и вместе с патриархом взяли ризу Богородицы из Влахернской церкви и погрузили ее в море: сделалась буря, разбила суда русские, и Аскольд и Дир едва воротились в Киев. Говорят, что после того они крестились. Дело возможное, потому что около этого времени переведено было на славянский язык Св. Писание. Перевели его св. *Кирилл* и *Мефодий*, первоучители славянские. Они были братья, родились в македонском городе Солуни (теперь в Турции); так как в тех местах было много славян, а грамоту они еще не знали, то св. Кирилл, в

855 р., составил для них азбуку по образцу греческой; а каких букв у греков не достало, те взял от других народов. Проповедь свою св. братья начали с соседних дунайских болгар. Болгары были народ, сродственный туркам и татарам; они завоевали славян и называли их болгарам; а так как их было мало, то они приняли язык славянский и сами сделались славянами. Мефодий крестил их князя Бориса. О Кирилле говорят, что он ходил проповедовать к хазарам, которые держались веры еврейской; переспорил тамошних ученых евреев, но все-таки не обратил хазар. Главный же подвиг их был в Моравии. Тамашние славянские князья – Святополк, Ростислав и Коцел – владели не только Моравиею (теперь принадлежит Австрии), но и большею частью Венгрии. Венгры тогда еще кочевали в степях, около Урала, вместе с нашими башкирами, которые им и сродни. Князья эти были христиане, только не было у них учителя, который бы объяснил им священные книги. Михаил послал им св. Кирилла и Мефодия, и начали они переводить на славянский язык книги Священного Писания и другие нужные для церковной службы. Скоро Кирилл ушел к болгарам, а Мефодий остался в Моравии и сделан был епископом. Много нужды он перенес: восставали на него хулители, говорили, что не следует служить литургию на других языках, кроме тех, на которых была надпись на кресте Христове, т. е. греческом, латинском (римском) и еврейском; но всех своих врагов победил Мефодий и самого даже папу римского (тогда еще Рим не со-

всем отделился от церкви православной) склонил на свою сторону и кончил святое свое дело; а плодом трудов его мы и до сих пор наслаждаемся: слушаем божественную службу на понятном для нас языке, а не по-латыни, как у католиков.

Недолго христиане-князья Аскольд и Дир владели Киевом. В Новгороде умер Рюрик (879 г.) и оставил после себя малолетнего сына Игоря. Сына своего Рюрик поручил Олегу, кажется, родственнику своему. Олег и стал править, а Игорь до смерти Олега во всем его слушался, так что и жену ему Ольгу выбрал Олег по своей воле. Случилось несколько лет спустя, что надоело Олегу жить в Новгороде; пошел он с ратью, дружиной своею, вниз по Днепру и заставил попутные народы платить себе дань и всюду поставил от себя наместников. Пришел к Киеву, воинам велел спрятаться в ладьях, а сам назвался купцом и послал сказать Аскольду и Диру: «Мы купцы, идем к грекам от Олега и Игоря княжича; приходите к нам». Времена тогда были простые: заезжему человеку все были рады и старались угодить ему, потому что заезжий человек бывает в разных сторонах и разносит и хорошую, и худую славу. Пришли князья киевские; тогда воины выскакали из ладей; Олег и сказал Аскольду и Диру: «Вы не князья и не рода княжеского, а я рода княжеского», – и потом вынес Игоря и сказал: «Вот сын Рюриков». Тут и убили Аскольда и Дира. На могиле Аскольда поставили потом церковь Св. Николая, а Дирова могила – за церковью Св. Ирины. И сел Олег в Киеве и назвал Киев «матерью городов русских».

Окольные племена он заставил платить дань: иные смиренно покорились, других он принудил силою.

Так прошло несколько лет; в 907 г. собрался Олег на греков и пошел на конях и на лодках; лодок у него было две тысячи. Пришли к Царьграду; греки затворили город, а вход в гавань, которая в Царьграде длинный залив, и потому называется *Золотым Рогом*, заперли цепью. Вышел Олег на берег и велел лодки вывозить на берег, и стали жечь загородные дома и церкви, а пленных мучили, расстреливали, кидали в море; тогда на войне иначе и не поступали, особенно же идолопоклонники. Говорят, будто Олег велел воинам своим сделать колеса, поставить суда на те колеса и распустить паруса; поднялся попутный ветер, паруса надулись, и русские подошли к самому городу. Испугались греки и послали сказать Олегу: «Не губи города, а возьми откуп». С послами прислали кушаний и питий разных. Олег не принял этого угощения: догадался, что оно с отравою; взял с них Олег большой откуп и заключил мир. Когда шли назад, дал Олег своим варягам паруса шелковые, а славянам – крапивные (еще и теперь в Сибири из крапивы ткут полотна). Ветер разорвал эти паруса, и славяне сшили себе, по-прежнему холстинные. Пришел Олег в Киев с большою добычею; люди встретили его с радостью и называли *вещим* (мудрым).

Смерть Аскольда и Дира. Гравюра Ф.А. Бруни

Еще пять лет княжил Олег, наконец умер. Вот как рассказывают о его смерти. Спросил Олег у *волхва* (колдуна): «От чего я умру?» – «Ты умрешь от коня своего, которого любишь и на котором едешь», – отвечал волхв. Олег поверил его слову и сказал себе: «Не буду садиться на коня этого и не увижу его больше», – и велел кормить коня, только не велел водить его к себе. Прошло много лет, вспомнил Олег о коне, призвал старшего из конюхов своих и спросил: «Где конь мой, которого я велел кормить и холить?» – Конюх отвечал: «Он умер». Олег посмеялся над волхвом и ска-

зал: «Солгал волхв, конь умер, а я жив», – и велел вести себя к тому месту, где лежали кости коня. Когда приехал к тому месту, увидел кости, сошел с коня и, ставши ногою на череп конский, сказал, смеясь: «Не от этого ли черепа умру?» Из черепа выползла змея, ужалила Олега, и он умер. Конечно, все это сказка; только, стало быть, в то время все верили этому.

После Олега стал править Игорь; он два раза ходил на греков. Один раз собрал Игорь десять тысяч лодок и стал со своими воинами грабить и жечь по берегам Черного моря: жгли города, села, церкви, монастыри; кого полонили, тех расстреливали из лука стрелами, связывали и вбивали в голову гвозди. Потом, когда греческое войско собралось, оно разбило Игоря и заставило его уйти к лодкам: но этим не кончилось: греки знали секрет (теперь потерянный) такого огня, который в воде не гас; этот-то огонь пустили греки на лодки Игоря, немногие спаслись и, воротясь домой, рассказывали: «У греков есть огонь, похожий на небесную молнию; этим-то огнем они жгли нас, а потому мы их не одолели». Через три года собрался Игорь отмстить грекам и опять пошел на них. Дошла о том весть до царя, и послал он сказать Игорю: «Не ходи; дам тебе откуп, который дал Олегу». Игорь дошел в то время до Дуная и, созвав свою дружину, стал с нею советоваться. «Если так говорит царь, – сказала дружина, – то чего лучше, не бившись, взять серебро, золото и парчи? А кто знает, мы ли одолеем или они? С морем нельзя

сговориться: мы ходим не по земле, а по морю». Послушался их Игорь и помирился с греками. Чтобы мир был тверже, Игорь и дружина его поклялась в Киеве перед греческими послами: христиане в соборной церкви Св. Илии (стало, тогда христиан уже было много, и им было свободно иметь свою церковь), а некрещенные вместе с князем клялись перед идолом бога Перуна, положив перед ним свои щиты и мечи, и клялся Игорь сохранять этот мир, покуда солнце сияет и свет стоит.

Был у Игоря воевода Свенельд. Этому Свенельду отдал Игорь княжеский суд и дань в земле уличей, которые жили у Черного моря; а тогда, как уже сказано, ездили сами князья по землям своим, судили, дань собирали и к осени возвращались в Киев. Стала дружина Игоря жаловаться: «Запаслась дружина Свенельда оружием и одеждою; а мы наги, пойдем с нами собирать дань: и ты добудешь, и мы». Послушался их Игорь и пошел в землю древлянскую; собрал дань, стал возвращаться домой, да подумал, что можно собрать еще, и сказал: «Ступайте домой, а я похожу еще». Осталось с ним очень мало людей, и опять он вошел в землю древлянскую. Сошлись древляне на сходку с князем своим Малом (стало быть, киевский князь только заставил древлян платить дань, а князя им оставил своего, а не от себя прислал кого-нибудь), и сказали древляне: «Повадился волк ходить к овцам, так перетаскает все стадо, если не убить его; так и этот, если не убить его, то погубит нас всех». Однако все-таки послали на-

перед сказать Игорю: «Зачем опять идешь? Ведь ты взял всю дань». Не послушался их Игорь. Тогда вышли древляне из своего города Искоростеня и убили его со всею дружиною.

Князь Игорь собирает дань с древлян в 945 году. Худож-

Осталась после Игоря вдова Ольга с сыном Святославом. Ольга отомстила за своего мужа. Вот как рассказывают об ее мщении. Сказали древляне: «Вот мы убили князя русско-го, выдадим жену его Ольгу за нашего князя Мала; возьмем Святослава и сделаем с ним, что хотим». И послали древляне 20 лучших своих мужей; шли они, по-тогдашнему, по рекам, вошли в Днепр и стали у самой горы киевской. Сказали Ольге, что пришли древляне; позвала она их к себе и спросила: «Скажите мне, зачем пришла сюда?» Отвечали древляне: «Послала нас древлянская земля и велела сказать: мужа твоего мы убили, потому что муж твой, как волк, грабил нас; а у нас князья добрые, пасут древлянскую землю. Пойди замуж за нашего князя Мала». Ольга сказала им: «Люба мне ваша речь; мужа мне уже не воскресить. Хочу завтра почтить вас перед всеми людьми. Ступайте к своим лодкам и лягте там, величаясь; а когда завтра пришлю за вами, вы скажите: не едем на конях, ни пешии нейдём, а несите нас в лодках, и понесут вас в лодках». Прежде лодки считались, что гроб: в лодках сжигали мертвых. Ушли древляне. Ольга велела у терема своего за городом выкопать большую и глубокую яму. Утром послала за древлянами, а сама села в тереме. Посланные от нее пришли и говорят древлянам: «Зовёт вас Ольга на великую честь». Они же сказали: «Ни пешком нейдём, ни на конях не едем, а несите нас в лодках». Киевляне сказали:

«Нам теперь неволя: князь наш убит, а княгиня идет за вашего князя замуж», — и понесли их, а они сидели нарядные и величались; принесли их на двор княжий и с лодкою кинули в яму. Нагнулась Ольга к яме и спросила: «Хороша ли вам честь?» — «Смерть нам, — отвечали они, — пуще Игоревой». Потом велела их засыпать — и засыпали. Послала Ольга к древлянам сказать: «Если вправду просите меня, то пришлите самых лучших людей, чтобы пришла к вам в великой чести выходить замуж за вашего князя; а то не пустят меня киевляне». Услыхали это древляне и выбрали самых лучших своих людей и послали за нею. Когда они пришли, Ольга велела истопить баню и сказала: «Вымывшись, приходите ко мне». Когда древляне вошли в жарко натопленную баню, их заперли, а баню подожгли. Послала опять Ольга к древлянам и велела сказать: «Я уже иду к вам; приготовьте много меду в том городе, где убили моего мужа: поплачу я над его могилою и сотворю над ним тризну» (то есть поминки). Услыхали это древляне и наварили много меду. Пришла Ольга налегке с малою дружиною и велела насыпать над мужем высокую могилу. Таких могил древних времен и теперь еще много в разных местах Русской земли; их копают и находят разные вещи, и по тем вещам узнают, как жили люди в старину. Когда насыпали могилу, велела Ольга творить тризну. Потом древляне сели пить. Ольга велела своим киевлянам прислуживать им. Опросили древляне: «Где наши послы?» Ольга отвечала им: «Идут позади с дружиною моего мужа». Когда

древляне перепились, Ольга велела избивать их, и избili их 5000. Воротилась Ольга в Киев, чтобы собрать войско и покорить всю землю древлянскую.

На другой год (946 г.) собрала Ольга сильное войско и пошла к древлянам с сыном своим, Святославом. Сошлись оба войска. Был обычай, что сражение тогда начинается, когда князь кинет копье. Кинул копье Святослав; но он был еще так мал, что копье, которое он кинул, пролетев между ушей коня, ударило коню в ногу. Сказал тогда воевода Свенельд, бывший прежде у Игоря, и Асмуд, дядька Святослава: «Князь уже начал; пойдем, дружина, за князем». Древляне были разбиты, побежали и затворились в своих городах. Ольга с сыном обступила город Искоростень, где убили ее мужа, а древляне храбро защищали этот город: сами знали, что убили князя и чего им за то ждать. Стояла Ольга перед городом целое лето, не могла взять его и придумала хитрость: послала сказать в город: «Чего вы ждете? Все ваши города отдали мне, дали дань и теперь пашут свою землю, а вы с голоду, что ли, хотите умереть, что не даете дани?» Древляне сказали: «Рады бы дать дань, да ты будешь мстить за мужа». Отвечала Ольга: «Я уже три раза мстила за мужа: два раза – когда вы присылали своих послов в Киев, а в третий – когда совершила тризну по мужу, а теперь не буду мстить; возьму дань, помирюсь с вами и пойду назад». Сказали древляне: «Чего ты хочешь? Готовы дань дать медом и звериными шкурами». Она сказала им: «Нет у вас теперь ни

меду, ни шкур; прошу у вас небольшого: дайте от двора по три воробья и по три голубя; не хочу налагать на вас тяжелой дани, как делал мой муж; знаю, что вы изнемогли в осаде, потому прошу мало». Обрадовались древляне и с поклоном послали Ольге по три голубя и по три воробья. Сказала Ольга: «Покормили вы меня и сына; ступайте теперь в город, а я завтра пойду в Киев». Когда послы рассказали об этом в городе, все возрадовались. Ольга же раздала своим воинам кому по воробью, кому по голубю, велела привязать к хвосту каждой птицы горячие вещи в тряпке, а как смеркнется, велела, зажегши тряпки, пустить птиц. Полетели голуби в свои голубятни, а воробьи под крыши и зажгли все дворы в городе, так что люди побежали вон, и Ольга велела, захвативши старшин, остальных избивать или брать в рабство. Потом пошла по всей земле древлянской, устанавливая повсюду дани и оброки, а затем уже воротилась в Киев. Прожив год в Киеве, поехала Ольга в Новгород и установила по дороге дани и оброки. Долго вспоминали о ней в тех местах с любовью за то, что правильно все распорядила; а в Пскове, откуда она была родом, долго сохраняли ее сани.

Мщение Ольги древлянам. С гравюры XIX в.

Задумала Ольга креститься: должно быть, наслышалась от тех христиан, которых тогда было много в Киеве, и поехала в 957 г. в Царьград, столицу Греческого царства, веры православной, где обыкновенно жили царь и патриарх. Приняли ее с почетом; крестил ее сам патриарх в соборе Св. Софии Премудрости Божией. Из этого собора турки, когда завладели Царьградом, сделали мечеть; теперь христиан не пускают туда; а был тот собор красоты дивной; турки его испортили: по стенам образа были, так все образа замазали они известкой: в их мечетях не положено быть никакой живописи.

Когда кончилось крещение, патриарх сказал Ольге: «Благословенна ты в женах русских, потому что свет полюбила, а тьму оставила. Благословят тебя люди русские до последнего рода», – и поучил ее о церковном уставе, о молитве, о посте, о милостыни и целомудрии. Она же стояла, наклонивши голову, внимая учению, и, поклонившись патриарху, сказала: «Да сохранят меня, владыко, молитвы твои от сетей дьявола». В крещении дано было ей имя Елены, в память святой матери царя Константина, первого из царей, принявшего веру Христову и обновившего Царьград, который и назвал в свое имя – Константинополь. С него начались цари греческие, а прежде жили в Риме. Говорят, будто, когда Ольга воротилась в Киев, прислал к ней царь греческий сказать: «Много дарил я тебе; ты же сказала, что когда возвратишься в Русь, то отдаришь меня рабами, воском и шкурами и дашь войско в помощь». Отвечала Ольга послам: «Скажите

царю, что я дам ему все это, если он постоит у меня в Почайне (ручей в Киеве) столько же, сколько я стояла у него в гавани», – и отпустила послов. Если это и неправда, то все-таки видно, как тогда чванились греки и как русским было неприятно такое чванство.

Возвратясь в Киев, Ольга жила с сыном своим Святославом и уговаривала его креститься. Святослав же и слушать о том не хотел. Когда мать говорила ему: «Как я, сын мой, Бога познала и радуюсь, так и ты, познавши Бога, будешь радоваться». Он же отвечал: «Как я один переменю закон: дружина моя будет надо мной смеяться»; а когда она говорила ему на то: «Если ты крестишься, то и все то же сделают», – он и слушать не хотел, и хотя никому не мешал креститься, но смеялся над такими. Когда Святослав вырос и возмужал, он собрал большую дружину и стал ходить с нею на войну. Он был легок на ходу, никогда не возил с собою обоза, ни даже котла, а, нарезавши тонким ломтем говядину, зверину или конину, сам жарил на углях; шатра у него тоже не было; а спал он, подложив под себя потник, а под голову – седло. Так поступали и воины его. Когда собирался он идти против кого-нибудь, то посылал вперед сказать: «Иду на вас».

На Оке встретил Святослав славянское племя вятичей; спросил их: «Кому дань даете?» Отвечали те: «Хазарам». Заставил их Святослав платить дань себе; потом разорил царство Хазарское и тогда же завладел городом Тмутороканем (Тмутараканью. – *Сост.*), который стоял на острове Тамани,

где река Кубань вливается двумя рукавами: одним – в Черное, другим – в Азовское море.

В 967 году позвал Святослава греческий царь Никифор на помощь против дунайских болгар. Победил их Святослав и поселился в их столице Переяславце. Пока жил он в Переяславце, забывши свою землю, на Киев напали печенеги – новый кочевой народ, который появился в степях после разрушения Хазарского царства. Ольга с внуками своими, Ярополком, Олегом и Владимиром, затворилась в Киеве. Обступили город печенеги силою великою, и нельзя было из города ни выйти, ни вести послать; изнемогали люди голодом и жаждою. По другую сторону Днепра собралось много людей; но нельзя пройти ни от них в Киев, ни из Киева к ним. Запечалились люди в городе и сказали: «Не найдется ли кого, кто бы мог пойти на ту сторону и сказать людям, которые там собрались, что если завтра не придут к нам на помощь, то передадимся печенегам?» Вызвался один отрок, сказав: «Я перейду». И говорят ему: «Переходи». Он вышел из города с уздою и, проходя сквозь толпу печенегов, спрашивал попеченежски: «Не видал ли кто-нибудь моего коня?» Они и сочли его за своего. Подошедши к берегу, отрок снял с себя платье и кинулся в реку; печенеги начали стрелять по нему, но стрелы его не настигли. Увидали его с той стороны и перевезли к себе. Он же, пришедши к воеводе Претичу, стоявшему там с малою дружиною, сказал: «Если не подступите завтра к городу, то люди предадутся печенегам». После того

Претич сказал: «Подступим завтра к городу в лодках; возьмем княгиню и княжичей и увезем их на эту сторону; если этого не сделаем, то Святослав погубит нас». Утром на рассвете сели они в лодки и стали переезжать реку, громко трубя в трубы; в городе люди закричали от радости. Печенеги подумали, что пришел князь, и разбежались, а Ольга с внуками вышла к лодкам. Увидавши это, воротился князь печенежский один и спросил Претича: «Ты не князь ли?» – «Нет, я муж его: он послал меня вперед, а сам идет за мною с сильным войском», – отвечал Претич. «Будь мне друг», – сказал князь печенежский, и обменялись они подарками. Печенег дал Претичу коня, саблю, стрелы; тот отдал ему мечом (меч прямой, как теперь шпага, и остер с двух сторон; а сабля кривая и острая об одну сторону: сабля – оружие всех кочевых народов), броней и щитом. Отступили печенеги от Киева, но стали невдалеке на речке Лыбеди. Послали киевляне сказать Святославу: «Ты, князь, ищешь чужой земли, а свою оставил; а печенеги едва не взяли нас, и матери твоей, и детей; если не придешь, не защитишь нас, то опять возьмут нас; разве не жаль тебе своей отчины, детей и старухи-матери?» Услыхав это, Святослав быстро сел на коня с дружиною, пришел в Киев и прогнал печенегов.

Соскучился Святослав на Руси и сказал матери и боярам: «Не любо мне в Киеве, хочу жить в Переяславце на Дунае: там середина земли моей, туда стекаются все блага: из Греции – золото, шелковые ткани, вина, разные овощи; от чехов

и венгров – серебро и кони, из Руси – шкуры, мех, воск и рабы». Сказала ему Ольга: «Видишь, что я больна. Куда хочешь идти? Погребви меня и иди, куда тебе угодно». Через три дня умерла Ольга. Плакали по ней сын, внуки и все люди. Похоронил ее священник, который был при ней, а тризны по себе она делать не велела.

Когда мать умерла, Святослава уже ничто не держало в Киеве, и, собираясь в свою милую Болгарию, он разделил Русскую землю сыновьям: Ярополку дал Киев, Олегу – землю древлянскую. Тогда думали, что можно делить землю, как делят всякое имение; оттого, когда князей стало много, каждый из них получил свою область, и начались между ними ссоры. Но об этом после. Пришли и новгородцы просить себе князя. «Если никто не пойдет к нам, то найдем князя на стороне», – говорили они. Святослав отвечал: «Только бы кто-нибудь пошел к вам». Ярополк и Олег отказались. Добрыня (посадник, т. е. правитель новгородский) сказал: «Просите Владимира»; а Владимир был сын Малуши, ключницы Ольгиной и сестры Добрыни. Новгородцы и сказали Святославу: «Отдай нам Владимира». Святослав сказал: «Возьмите». Тогда Владимир пошел в Новгород, а Святослав – в Переяславец.

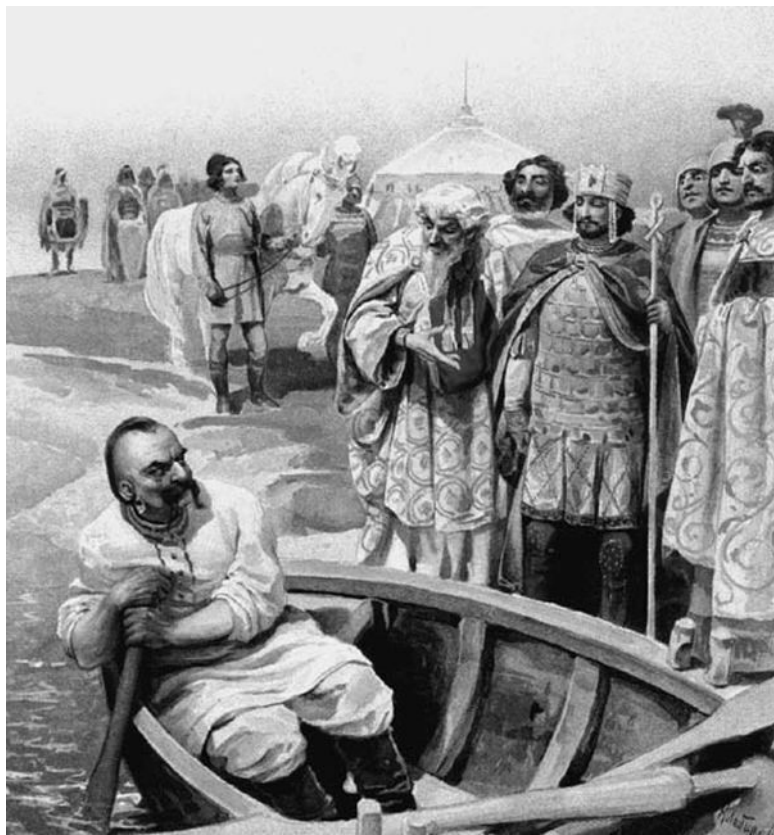

В 971 году пришел Святослав в Болгарию. Болгары за-
творились в городах своих; да и у греков был тогда новый
царь Иоанн Цимисхий, храбрый воитель, которому очень не
нравилось соседство беспокойного Святослава. С болгарями
Святослав скоро справился и послал сказать грекам: «Иду на
вас». Греки приготовили большое войско. Говорят, что здесь
они схитрили: послали будто к Святославу предложить ему
дани и спросить, сколько у него войска. Святослав, догадав-
шись, что они хитрят, прибавил вдвое свою силу, сказав, что
у него 20 000 человек, а у него было всего 10 000. Греки, вме-
сто дани, приготовили 100 000 чел. войска. Святослав все-
таки ворвался в Грецию и разорил много городов. Говорят,
что раз, когда окружили его греки, он сказал своей дружи-
не: «Нам уже некуда деться; волею ли, неволею, должно сра-
жаться; не посралим земли Русской, ляжем костью: мерт-
вые не знают срама; а если побежим, то будет нам срам; не
побежим, а станем крепко; если моя голова ляжет, то думай-
те о себе». Дружина отвечала ему: «Где ты сложишь голову,
там и мы головы положим». И разбили греков; но все-таки
должны были уйти в Болгарию, куда скоро пришел с войском
царь греческий. Святослав, видя, что дружины у него мало, а
Русская земля далеко, а печенеги, с которыми он был не в ла-
ду, сели на порогах днепровских, посоветовался с дружиною
и заключил мир. Клянясь сохранить мир, русские говорили:

«Если не сохраним мир, то да проклянут нас боги, в которых веруем: Перун и Волос, скотий бог; пусть пожелтеем, как золото, и будем иссечены своим оружием». Когда мир был заключен, Цимисхий пожелал видеться со Святославом. Русский князь приплыл на свидание в лодке по Дунаю и сам греб вместе с гребцами. Он был среднего роста, нос у него был плоский, глаза голубые, густые брови и длинные косматые усы. Все волосы на голове были выстрижены, кроме одного клока, который висел на обе стороны, что означало его знатный род. Шея у него была плотная, грудь широкая; весь вид суровый и свирепый; в ухе висела серьга с карбункулом и двумя жемчужинами. Одет он был, как и все остальные, в белое, только одежда его была чище. Заключив мир, Святослав вздумал возвращаться в лодках через пороги, и сказал ему отцовский воевода Свенельд: «Пойдем лучше, князь, на конях, около; а то на порогах засели печенеги». Не послушался его Святослав и пошел в лодках. Болгары послали сказать печенегам: «Идет Святослав с большим именем и малою дружиною». Печенеги и засели в порогах. Святославу пришлось зиму провести у устья Днепра, где случился такой голод, что конскую голову покупали за полгривны (гривна – фунт серебра). Весною пошел Святослав через пороги; печенеги напали на него и убили его. Князь их, Куря, оковавши его череп, сделал из него чашу, из которой и пил на пирах. Остаток дружины со Свенельдом пришел в Киев к Ярополку.

Лучше бы этому Свенельду было не возвращаться; он стал

первой причиною ссоры между братьями. Сын Свенельдов, Лют, вышел поохотиться из Киева и зашел с охотою в землю древлянскую, где встретил его Олег, также охотившийся. Увидел его Олег и спросил: «Кто это?» Ему сказали: «Свенельдич». Он и велел его убить: должно быть, он заехал в заповедный лес, где охотиться нельзя было без воли хозяина. Стал Свенельд подушать Ярополка на Олега и говорить: «Поди на брата и возьми его волость». Так хотелось ему отомстить за сына.

Встреча Святослава с византийским императором Цимисхием на берегу Дуная. Художник К.В. Лебедев

Прошло два года, и в 977 году пошел Ярополк на Олега в древлянскую землю и разбил его. Когда Олег бежал в город

свой, Овруч (Волынской губернии), на мосту от множества бежавших сделалась большая теснота, и Олега столкнули с моста в ров; повалились на него и люди, и кони, и задавили его. Вошел на другой день Ярополк в город и послал искать, где брат. Никто не мог найти его; тогда один древлянин сказал: «Я видел вчера, как его столкнули с моста». И послал Ярополк искать брата во рву; таскали трупы с утра до полудня и нашли Олега в самом низу. Принесли его во дворец и положили на ковре. Ярополк пришел, стал плакать над братом и сказал Свенельду: «Смотри на то, чего ты хотел». Похоронили Олега у города. Услыхал Владимир, что Ярополк убил Олега, убоился и бежал за море, к варягам. Ярополк посадил в Новгороде своих посадников и стал один владеть Русью.

Через три года вернулся Владимир в Новгород и сказал посадникам Ярополковым: «Идите к брату моему и скажите ему: „Владимир на тебя идет; готовься с ним биться“». Сам сел в Новгороде и послал к соседнему князю полоцкому Рогволду сказать: «Хочу взять за себя дочь твою Рогнеду». Рогволд этот был варяг, который овладел Полоцком и княжил там. Рогволд спросил дочь. «Не хочу разуть сына рабыни», – отвечала Рогнеда: тогда был обычай (кое-где он и теперь есть), что молодая разувает мужа в первый день свадьбы; а сыном рабыни она назвала Владимира потому, что мать его была ключницей у Ольги; а если кто шел в ключники или ключницы, без ряда, тот становился рабом. «Хочу

за Ярополка», – прибавила Рогнеда; а Ярополк, хоть и женат был на расстриженной монахине-гречанке, которую Святослав вывез из Болгарии, сватался и за Рогнеду. Тогда у князей было по несколько жен. Владимир тоже был уже женат тогда. Когда передали Владимиру гордую речь полоцкой княжны, он собрал войско и пошел на Рогволда, взял Полоцк, убил князя и двух его сыновей и взял Рогнеду, которую собирались уже вести к Ярополку, в жены себе. О том, что было с Рогнедою после, рассказывают так: когда Владимир завел у себя много жен, а ее поселил в Преславине (около Киева), она много негодовала и от горя названа была Гореславою. Случилось раз Владимиру ночевать у нее. Она ночью хотела его зарезать; Владимир проснулся и взял ее за руку. Она же сказала: «Я закручинилась: ты убил отца моего и землю его полонил из-за меня, а теперь меня не любишь». Велел ей Владимир одеться в царское платье, в котором была она в день брака, и ждать в храме на великолепной постели, когда он придет убить ее. Она все исполнила и, призвав сына своего, Изяслава, дала ему обнаженный меч и сказала: «Когда придет отец, выходи и скажи ему: „Отец, ты думаешь, что ты один“». Так и сделалось: пришел Владимир; Изяслав подал ему меч и сказал, что мать велела. Владимир сказал тогда: «А кто думал, что ты здесь?» – бросил меч, созвал бояр и рассказал им все; они сказали: «Не убивай ее ради этого дитяти; но отдай им область отца ее». Владимир так и сделал и в честь сына построил город Изяславль.

Окончив с Рогволдом, Владимир пошел на Ярополка. Ярополк не мог выйти против него в поле – так мало было у него войска – и затворился в городе. Послал Владимир сказать Блуду, любимцу Ярополка: «Окажи мне услугу; когда убью брата, буду почитать тебя, как отца, и много чести воздам тебе. Не я начал убивать братьев, а он; я только потому пошел против него, что убоился за себя». Блуд отвечал послам: «Я буду служить Владимиру», – и начал думать, как бы убить Ярополка; но боялся киевлян и потому стал пугать Ярополка, будто киевляне ссылаются с Владимиром, и советовать Ярополку уйти из Киева. Ярополк послушался и ушел в маленький городок Родню; Владимир же вошел в Киев и осадил Ярополка в Родне. Тогда Блуд начал опять пугать Ярополка и говорить ему: «Видишь, сколько войска у брата твоего? Нам с ним не совладать; помирись с братом». Ярополк сказал: «Пусть так будет». Блуд послал сказать Владимиру: «Сбылось мое обещание, что приведу к тебе Ярополка; приготовься убить его». Владимир, услышав это, ждал брата с дружиною своею в каменном тереме отцовском. А Блуд в то время сказал Ярополку: «Пойди к брату и скажи ему: что дашь – всем буду доволен». Был у Ярополка верный слуга Варяжко; тот сказал князю: «Не ходи, убьют тебя; лучше пойди к печенегам и приходи с их помощью». Ярополк не послушался и пошел к брату. Когда хотел он отворить дверь, два варяга ранили его мечами под мышками, а Блуд в то время сторожил у двери, чтобы не вошел кто-ни-

будь из слуг его. Варяжко же бежал к печенегам и с ними приходил на Владимира; едва удалось Владимиру совладать с ними. Взял Владимир жену брата своего, и от нее родился ему сын Святополк.

Великий князь Владимир, Рогнеда и Изяслав. Гравюра по рис. Ю. Шюблера

Пришли к Владимиру варяги и сказали: «Город наш; мы взяли его; дай нам окуп по две гривны с человека». Владимир сказал: «Погодите месяц: соберем деньги». Ждали месяц, и не дал им Владимир, и сказали варяги: «Обманул нас, пусти нас к грекам». Владимир сказал: «Идите». Выбрал из них, которые лучше, и дал им в управление города; прочие же пошли в Грецию. Послал Владимир сказать царю греческому: «Идут к тебе варяги, не держи их в городе, а то наделают столько же зла, как и здесь, разместить их по разным городам и сюда не пускай ни одного».

Когда Владимир остался один владеть Русскою землею, он поставил перед княжеским теремом в Киеве идолы богов своих; главного из них, Перуна, сделали деревянного с серебряною головою и золотыми усами. Дядю своего, Добрыню, посадил Владимир в Новгороде, и тот поставил идола Перуна над Волховом. Зажил Владимир весело в Киеве. Больше всего он любил женщин, и было у него, кроме четырех законных жен, множество наложниц: 300 – в Вышегороде, 300 – в Белгороде, 200 – в Берестове. И было у него от них 12 сыновей; не забывал он и войны: ходил он на ляхов, на ятвягов (народ, который жил в нынешней Гродненской губернии), и покорил ятвягов. Пришедши в Киев, захотел поблагодарить богов своих и посоветовался с боярами и старцами; сказали ему старцы и бояре: «Кинем жребий на отрока и на девицу: на кого жребий падет, того зарежем богам».

Был один варяг, пришедший из Греции, христианин, и был у него сын, прекрасный и телом, и душою; на него-то и пал жребий. Пришли к варягу посланные от бояр и сказали: «На твоего сына пал жребий; он угоден богам; сотворим их волю». Варяг отвечал им на то: «То не боги, а дерево; сегодня есть, а завтра сгниет; они не едят, не пьют, не говорят, потому что сделаны руками. Бог един, Которому поклоняются греки; Он создал небо и землю, солнце, луну и звезды; Он создал человека и поселил его на земле; а эти боги что сделали? Они сами сделаны; не дам своего сына бесам». Посланные рассказали это людям; они взяли оружие, пошли и разметали двор его; он же стоял в сенях. Сказали ему: «Отдай сына, мы дадим его богам». Он отвечал: «Если они боги, то пусть пришлют одного из своих и возьмут моего сына, а вы чего требуете?» Тогда закричала толпа и подсекла сени. Так погибли эти два первые мученика, Феодор и Иоанн. На том месте, где был дом их, Владимир, когда крестился, поставил церковь Божией Матери. Ходил Владимир и на болгар камских (где теперь Казань), и победил их. Посмотрел Добрыня на пленников и сказал: «Они в сапогах, от них не дождемся дани; поищем лапотников». Болгары были, как уже сказано, народ богатый, торговый. Заключил Владимир с ними мир. Болгары клялись: «Сохраним тот мир, покуда камень не будет плавать в воде, а хмель тонуть».

На другой год после мира (986 г.) пришли к Владимиру послы этих болгар, которые были веры Магометовой, и ска-

зали ему: «Ты князь, мудр и смышлен, но живешь беззаконно; прими закон наш и поклонися Магомету». Спросил их Владимир: «Какая вера ваша?» Они отвечали: «Веруем Богу, а Магомет учит нас: обрезать, свинины не есть, вина не пить; позволяет иметь много жен и на том свете даст каждому по 70 жен прекрасных». Владимиру приятно было слышать о том, что можно иметь много жен (он любил женщин); не нравилось ему обрезание и запрещение есть свинину, а особенно пить вино: «Пить – веселие Руси; без того не можем быть», – сказал он. Приходили католики и сказали, что их заповедь – пост. Владимир отвечал им: «Ступайте прочь; отцы наши не приняли этого». Пришли хазарские евреи и сказали: «Слышали мы, что приходили болгары и христиане, уча каждый своей вере. Христиане веруют Христу, которого мы распяли, а мы веруем единому Богу Авраамову, Исаакову и Иаковлю». Владимир спросил: «В чем же закон ваш?» Они отвечали: «Обрезаться, не есть свинины, ни зайчины; сохранять субботу». Владимир опять спросил их: «Где земля ваша?» Они отвечали: «В Иерусалиме». – «Там ли вы теперь?» – спросил Владимир. – «Нет, – отвечали они, – Бог разгневался на отцов наших, расточил нас по всем странам за грехи наши, а землю отдал христианам». На это сказал им Владимир: «Как же вы, сами отверженные Богом, других учите! Если бы вы и закон ваш были угодны Богу, то не расточил бы Он вас по чужим землям. Хотите ли вы, чтобы и с нами то же было?» Пришел, наконец, философ от греков

и сказал: «Слышал, что приходили к вам болгары и учили своей вере; но вера их ведет к гибели. Приходили и католики: их вера малым от нашей различается; только служат они на опресноках или о(б)латках, а Иисус Христос повелел служить на хлебе». Владимир сказал ему: «Приходили еще евреи, говорили, что вы верите тому, кого они распяли. Правда ли это?» – «Правда», – сказал философ и вкратце рассказал ему всю священную историю; потом, когда кончил, показал картину, на которой изображен Страшный суд: праведные направо, с веселием идут в рай, а грешники налево, идут в муку. Владимир, вздохнув, сказал: «Хорошо тем, кто направо; горе тем, кто налево»; на что философ ответил: «Крестись, если хочешь быть направо». Владимир, положив руку на сердце, сказал: «Пожду немного»; он хотел еще рассмотреть разные веры. Потом, одарив философа, отпустил его с честью.

Первые христианские мученики при Св. Владимире. Художник П.С. Сорокин

Созвал Владимир бояр и старцев городских и сказал им: «Приходили ко мне болгары и говорили: „Прими наш закон“; потом приходили евреи, после же пришли греки, хулили все законы, свой же хвалили, много сказывали о бытии всего мира от начала его; красно говорили, и чудно их слушать и приятно каждому; говорили, что есть другой свет, и что, кто вступит в их веру, тот, если умрет, оживет и вовек

не умрет; а кто другой закон примет, тому гореть в огне на том свете. Что посоветуете?» Бояре и старцы ответили ему на то: «Ты знаешь, князь, что всякий свое не хулит, а хвалит; а если хочешь узнать правду, то есть у тебя мужи: пошли их, пусть посмотрят, как каждый народ служит Богу». Понравился этот совет Владимиру и всем людям; выбрали десять человек хороших и смысленных и послали их сначала к болгарам – и не понравилось посланным магометанское богослужение. Потом послал их Владимир к немцам, а оттуда к грекам. Пошли они к немцам, посмотрели их службу; потом пошли в Царьград, а тогда было там два царя: Василий и Константин. Когда пришли они, цари спросили: «Зачем пришли?» И, узнав причину, обрадовались и приняли их с честью. Поутру послали цари сказать патриарху: «Пришли русские разузнать о нашей вере; убери церковь, а сам оденься в святительские ризы: пусть видят славу Бога нашего». Услыхав это, патриарх велел убрать церковь по-праздничному, осветить ее всю и приготовить певчих. Когда послы пришли в церковь, им объяснили всю службу; потом отпустили с честью. Когда послы воротились в Киев, Владимир созвал опять бояр и старцев и велел послам рассказать все по порядку. «Были мы у болгар, – сказали послы, – видели, как они молятся в мечетях: стоят без пояса; поклонятся и потом сядут и глядят по сторонам, как бешеные; не весело у них, но печально; нехорош их закон. Были у немцев и видели в храмах их многие службы, но нет у них никакой красо-

ты. Потом пришли к грекам, и повели они нас туда, где служат своему Богу, и не знаем мы, на земле мы были или на небе? Такой красоты на земле нет; мы знаем только то, что там Бог пребывает с людьми. Мы не можем забыть той красоты; каждый человек, когда попробовал сладкого, не может вкусить горького, так и мы». Бояре сказали на то: «Если бы дурен был греческий закон, то не приняла бы его бабка твоя, Ольга; а она была мудрейшая из людей». Спросил Владимир: «Где же мы крестимся?» Отвечали бояре и старцы: «Где тебе угодно».

На следующий год (988) Владимир пошел войною на греческий город Корсунь (там, где теперь Севастополь): должно быть, он хотел показать грекам, что он хоть и примет крещение, но все-таки не хочет подчиниться им. Корсунцы затворились в городе, а Владимир окружил город, став от него на расстоянии выстрела из лука. Начали горожане изнемогать. Владимир послал сказать им: «Если не сдадитесь, то хоть три года простою у вашего города». Они, однако, не сдались. Велел Владимир сыпать насыпь к городским стенам, а корсунцы сделали подкоп под стеною городскою и, выходя по ночам, уносили ту землю и ссыпали ее внутри города. Тогда один корсунянин, по имени Анастас, бросил стрелу в стан русский, а на стреле было написано: «Перекопай колодезь, который от тебя к востоку: из него по трубе вода идет в город». Владимир, услышав это, поднял руки к небу и сказал: «Если это сбудется, то крещусь». Тотчас велел переко-

пать трубу, и вода перестала идти в город; люди изнемогли от жажды и сдались. Владимир вошел с дружиною в город и послал сказать царям Василию и Константину: «Я взял ваш славный город; слышал я, что у вас сестра дева; если не отдадите ее за меня, то так же сделаю с Царьградом». Услыхав это, цари запечалились и отвечали: «Не следует христианке выходить за язычника; если крестишься, то получишь ее, и Царство Небесное наследуешь и будешь с нами одной веры; а если этого не сделаешь, то не можем отдать сестры за тебя». Когда передали это Владимиру, он отвечал: «Скажите царям, что я крещусь. Еще прежде испытал я ваш закон, и нравится мне ваша вера и служение, о чем рассказали мне мои посланные». Услыхав это, цари обрадовались, уговорили сестру свою, Анну, и послали сказать Владимиру: «Крестишься, тогда пошлем сестру свою». Владимир отвечал: «Пусть крестят меня пришедшие с сестрою вашею». Тогда цари стали посылать сестру, некоторых сановников и священников. Анна же не хотела идти: «Иду, как будто в плен, — говорила она, — лучше бы мне было умереть здесь». И сказали ей братья: «Через тебя Бог обращает Русскую землю к покаянию, а греческую избавляет от лютой рати. Разве не видишь, сколько Русь сделала зла грекам? Если не пойдешь, то они будут продолжать по-старому». Едва ее принудили. Севши в судно, она со слезами стала прощаться с родными и с плачем ехала через море; когда приплыли в Корсунь, корсунцы встретили ее почетом. В то время заболели

у Владимира глаза, и послала царевна сказать ему: «Хочешь выздороветь – крестись». Владимир сказал: «Если это случится, то поистине велик Бог христианский». Епископ Корсунский крестил Владимира; в крещении дали ему имя Василия; князь выздоровел и прославил Бога, говоря: «Теперь я узнал истинного Бога». Увидевши это, многие из дружины тоже крестились. По крещении совершен был брак Владимира с царевною.

Великий князь Владимир избирает религию. Художник И.Е. Эггинк

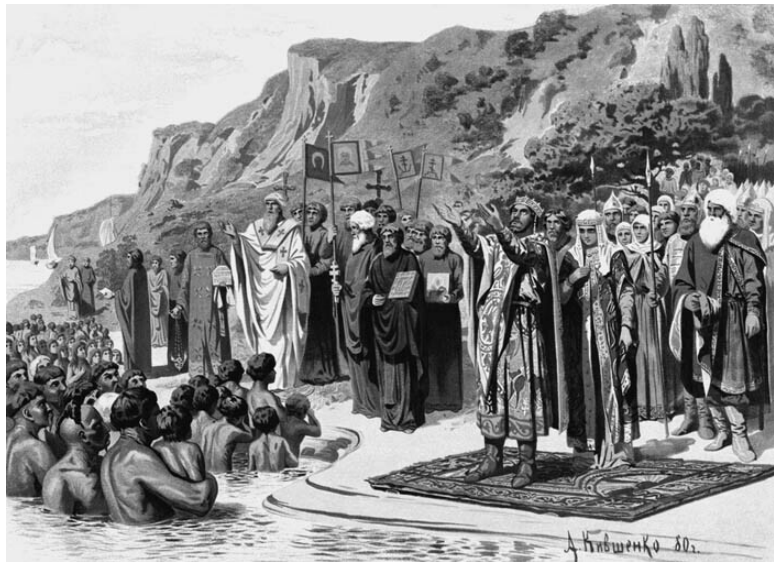
Владимир, возвращаясь назад в Киев, взял с собою царицу, и Анастаса, и священников корсунских с мощами св. Климента и Фифа, ученика его, с иконами и церковными сосудами. На том месте в городе, где жители ссыпали землю, унося ее из насыпи, насыпаемой войском русским, Владимир поставил церковь во имя Св. Василия, а самый город отдал грекам в *вено* за царицу (так назывался подарок, который новобрачный давал жене и родственникам ее). Возвратясь в Киев, велел повалить идолов, рубить их или жечь огнем; Перуна же велел привязать к конскому хвосту и спустить с горы в реку, и потом, преследуя до порогов, отталкивать палкою, если пристанет к берегу. Говорят, что язычники, стоя на берегу, кричали: «*Выдубай* (выплывай), наш боже». Оттого это место прозвано Выдубицы, и построен здесь впоследствии Выдубицкий монастырь. Потом послал Владимир клич кликать по городу: «Кто не придет к реке, богатый или убогий, нищий или раб, тот будет мне противен». Все шли креститься, говоря: «Если бы не добро было, то не принял бы князь с боярами». Утром вышел Владимир со священниками царицыными и корсунскими к Днепру, и сошлось множество людей; вошли в воду, кто стоял до шеи, кто до груди; дети стояли у берега; другие держали детей; взрослые уходили далее, и священники стояли и молитву творили. Нашлись, впрочем, и такие, которые не хотели креститься и, боясь, чтобы их не заставили креститься насильно, бежали в леса; а тогда думали, что можно и насильно спасти душу человека.

Крещение князя Владимира. Художник Ф.А. Бронников

Крестив Киев, Владимир и прибывший к нему первый митрополит Михаил стали назначать епископов в разные города и посылали их крестить те города. То же делали и сыновья его, которых он рассадил по городам: Вышеслав – в Новгороде, а по смерти его Ярослав; Изяслав – в Полоцке; Святополк – в Турове; Ярослав – в Ростове. Когда его перевели в Новгород, туда отправился Борис; Мстислав в Тмутаракани; Всеволод – на Волыни, Святослав – в земле древлянской, Глеб – в Муроме. У Владимира было еще три сына: Станислав, Судислав и Позвизд. Где они были – не знаем; знаем

только, что Судислав жил в Пскове; должно быть, и княжил там. Проповедники пошли по Днепру вверх, всюду крестили и ставили церкви. Наконец, дошли до Новгорода и поставили здесь церковь Преображения. Отсюда пошли в Ростов. Крестив Ростов, Добрыня, который был с проповедниками, опять пришел в Новгород; здесь нашел он, что язычники взбунтовались: всех подушал какой-то Соловей (должно быть, волхв). Когда пришел Добрыня, новгородцы разметали мост, соединяющий две части города, и поставили на том берегу пороки (так называли машины, метавшие камни). Проповедники же крестили на другом берегу. Так прошло два дня. Новгородец Угоняй, едзя по городу между бунтовщиками, вопил: «Лучше нам помереть, чем дать богов своих на поругания». Народ, рассвирепев, сжег дом Добрыни и разграбил жену его и родственников. Владимиров воевода Путята, между тем, с пятьюстами воинов переплыл ночью Волхов выше города и, вошедши в город, сжег дом Угоняев. Горожане начали жечь церковь Преображения. К рассвету пришел Добрыня, и бунтовщики начали смиряться, потому что он хотел сжечь их дома. Тогда горожане послали к Добрыне послов. Добрыня же велел жечь идолов и кидать их в воду. Тогда многие некрещеные, чтобы их не принуждали, стали уверять, что они крещены. Добрыня велел всем крестившимся надевать кресты, а кто без креста, тому не верить.

Крещение киевлян князем Владимиром. Художник А.Д. Кившенко

Много ходило потом рассказов об этом крещении: говорили, что будто, когда волокли идол Перуна, он кинул свою палку на мост (это уже и потому неправда, что мост был разметан), и после того, будто стали новгородцы драться на том мосту. Говорят также, будто шел новгородец с горшками, увидал, как плышет Перун и, оттолкнувши его шестом, сказал: «Ел ты, Перунище, досыта, а теперь плыви прочь».

Перун. Новгород, XII в.

В Новгороде и в далеком от Киева Поволжье долго еще не укреплялось христианство. Еще при внуках Владимира появлялись здесь волхвы и смущали народ. Так, раз сделался голод в земле Ростовской; из Ярославля пришли два волхва и сказали: «Мы знаем, кто укрывает запасы», – и пошли по Волге; как, придут в село, так и указывают на богатых жен, говоря: «Эта хлеб держит, а та – мясо, а эта – рыбу». И обманутые люди приводили к ней сестер своих, жен и матерей; волхвы разрезывали у них за плечами и потом показывали хлеб, мясо и рыбу, будто вынутые из их тела. Случилось тогда на Белоозере быть Яну, собиравшему дань на князя Святослава, внука св. Владимира, и сказали ему: «Пришли сюда два волхва, которые избили много людей по Волге и Шексне». Ян стал спрашивать, какого они князя люди, и узнал, что его князя. Тогда сказал окружающим их, которых было до 300: «Выдайте мне волхвов: они люди моего князя». Те не послушались его. Ян пошел было к ним навстречу без оружия, но бывшая с ним дружина, 12 человек, уговорила его взять оружие. Когда подступил он к толпе, стоявшей с волхвами, вышли ему навстречу трое и сказали: «Идешь на смерть – не ходи». Он же велел убить их и пошел к прочим. Они было кинулись на Яна; один из них хотел ударить его топором, да промахнулся; Ян ударил его обухом своего топора и велел дружине бить их; они и разбежались. Пошел

потом Ян в город Белозерск и сказал горожанам: «Если не поймаете волхвов, не уйду от вас целое лето»; а если он останется, то, по тогдашнему обычаю, им следовало кормить его, как данщика, со всею дружиною; а кормить целое лето было бы накладно. Испугались белозерцы и переловили волхвов. Когда привели их, Ян спросил: «Зачем погубили столько человек?» – «Теперь, когда мы истребили их, будет обилие; хочешь, мы вынем перед тобою хлеб или рыбу, или что другое?» – «По правде, – сказал Ян, – все это ложь: сотворил Бог человека из костей и жил, и нет в нем ничего постороннего». – «А мы знаем, – сказал волхв, – как сотворен человек». – «Как же?» – спросил Ян. – «Мылся Бог в бане и отерся тряпкою и сверг ее с неба, и заспорил Сатана с Богом, кому сотворить человека, и создал дьявол человека, а Бог вложил в него душу: оттого, если умрет человек, тело его идет в землю, а душа – к Богу». Нелепость эта удивила Яна, он спросил волхвов: «Какому вы богу веруете?» Те будто отвечали ему: «Антихристу, который живет в бездне». Нетрудно было Яну доказать, что Бог в бездне не живет. Потом он прибавил: «Вы и здесь от меня муку примете и по смерти там». Они же сказали: «Наши боги говорят, что ты нам ничего не сделаешь». – «Лгут ваши боги», – сказал Ян. Они сказали на то: «Судить нас Святославу, а ты не можешь ничего нам сделать». Ян стал их бить и дергать за бороды; они стояли на своем: «Судить нас Святославу», – и вложил им Ян обрубок деревянный в рот и велел волочить по Шексне за сво-

ими лодками. Остановясь на устье Шексны, спросил он их: «Что говорят ваши боги?» – «Говорят они, что не быть нам живыми от тебя». – «Правду говорят они», – сказал Ян. – «Если ты наспустишь, – прибавили волхвы, – то будет тебе много добра; а если погубишь нас, то будет много зла». Он же сказал: «Пущу вас, то будет мне много зла от Бога», – и спросил гребцов: «Не убили ли они кого из родственников ваших?» Оказалось, что у одного убили мать, у другого – сестру, у третьего – дочь. «Мстите за своих», – сказал Ян, и взяли гребцы и повесили волхвов, а на другую ночь пришел медведь и съел их тела.

Ян Вышатич и язычники. Художник С.В. Иванов

Другой волхв появился в Новгороде при князе Глебе, сыне этого Святослава, и прельстил почти весь город потому, что говорил: «Я все ведаю», – и хулил веру христианскую; говорил он: «Перейду через Волхов перед всеми». Встал мятеж в городе; все поверили волхву и хотели погубить епископа. Епископ, взяв крест, облекся в ризу и, став посреди народа, сказал: «Кто верит волхву, пусть идет за ним; кто верит кресту, пусть идет ко мне». Только князь Глеб и дружина его подошли к епископу, а все остальные пошли за волхвом. Князь,

спрятав топор под плащом, пришел к волхву и сказал ему: «Знаешь ли, что будет утром или хоть до вечера?» – «Все знаю», – сказал волхв. Глеб опять спросил его: «Знаешь ли, что будет сегодня?» – «Чудеса великие сотворю», – сказал волхв. Глеб вынул топор и убил его.

Князь Глеб Святославович убивает волхва на новгородском вече. Художник А.П. Рябушкин

В Ростове тоже христианство приживалось туго: первые епископы, *Феодор и Иларион*, принуждены были бежать от ярости язычников, и Феодор только в окрестностях Суздаля обратил некоторых. Св. *Леонтий* явился в ростовскую зем-

лю почти через сто лет после крещения святого Владимира (1070); язычники и его изгнали; он ушел за город, построил там деревянную церковь Св. Михаила архангела и стал сзывать к себе детей: ласкал их, кормил, а потом крестил. За детьми стали обращаться некоторые и взрослые. Закоренелые язычники сердились на Леонтия, но святой, укрепляясь постом и молитвой, явился опять в город и вошел в соборную церковь. Язычники, кто с дубинкою, а кто и с оружием, окружили церковь и хотели убить св. Леонтия. Причет церковный испугался; святой успокоил его; потом, надев ризы и велев священникам и дьяконам тоже облачиться, вышел к язычникам: увидя, как он спокоен и тверд, язычники смутились и смирились. Тогда многие приняли веру христианскую. Однако и после того язычники не раз вооружались на святителя и, наконец, убили его. Много трудился и преемник его св. *Исайя*. Около того же времени жил в ростовской земле св. *Авраамий*. С малых лет святой возгорел ревностью к вере христианской и хотел разрушить идола *Волоса*, которому поклонялись в Ростове, и не мог сделать этого. И было ему видение, чтобы он шел в Иерусалим, помолился там, в доме Иоанна Богослова, и получит желаемое. Пошел Авраамий; но дорогой было ему новое видение: получил он жезл и тем жезлом разрушил идола и на его месте поставил монастырь. Вот как долго христианство боролось с язычеством в Ростове, где князем был св. Борис!

В Муроме, где князем был св. Глеб, тоже туго прижива-

лось христианство. После убийения Глеба, о котором расскажем после, здесь даже почти и не осталось христиан. Около 1100 г. прибыл туда князь Константин Святославич (правнук св. Владимира, которого, как говорят, иначе звали Ярославом). Отправляясь в свою область, князь Константин послал перед собою сына своего князя Михаила с немногими в город Муром, который не хотел покориться. Михаил хотел склонить муромцев льготами, но те убили его. Муромцы затворились в городе в ожидании прихода князя, который на пути нашел тело сына своего, брошенное в лесу, и горько плакал над ним; потом поразил вышедшую ему навстречу вооруженную толпу граждан и заставил покориться город. Вступив на свой престол, построил он в Муроме церковь Благовещения, а потом другую – Бориса и Глеба. В церкви Благовещения похоронил он своего сына. Язычники дивились, что хоронили без тризны, которая состояла в драках и в том, что для выражения печали родственники резали себе лица ножом; дивились и тому, что не насыпали над умершим высокого холма, как то водилось у язычников. Горько было видеть князю Константину, что народ его все-таки оставался языческим, и говорил он сам себе: «Что вся жизнь моя? Что мое богатство? Все то за суету считаю! Если не обращу людей, мне подвластных, к Господу Богу, то как предстану пред лице Его?» – и старался он склонить свой народ креститься иногда ласкою, а иногда и строгостью; но ничто не помогало; составилась даже заговор убить его, и пришли люди на двор

княжий с оружием и дреколями.

Князь заперся в своем тереме с семьей, священниками и дружиною и усердно молился, постился и потом один, с образом Богородицы в руках, вышел к разъяренному народу и кротким словом умирил его. Народ до того умилился, что стал просить князя крестить их. Князь с радости пошел благодарить Бога в храм Богородицы; потом, положив на весь народ пост, приготовил их к крещению. После крещения, на радости, сделал великий пир всему народу. С тех пор любил народ своего князя и горько плакал о нем, когда он умер. Так и рассказывается в житии его о крещении города Муром.

Земля вятичей по Оке, в окрестностях Курска, оставалась некрещеною еще лет сто после Мурома. Здесь явился св. Кукша, один из иноков Печерского монастыря, о котором расскажем после, и здесь погиб он во время своей проповеди.

Все это мы рассказали, для того чтобы показать, как долго утверждалось христианство на Руси; обычаи же языческие существовали еще дольше, а иные и до сих пор существуют; теперь же опять обратимся к св. Владимиру.

На другой год после крещения своего начал строить Владимир церковь Св. Богородицы; для постройки вызваны были мастера из Греции, и только через восемь лет была она окончена. Церковь вышла дивная: теперь, после татарского погрома, остались от нее только развалины, и то приходят дивиться им. Рад был Владимир окончанию церкви и,

вошедши в нее, начал молиться Богу, говоря: «Господи Боже! Кто помолится в церкви сей, исполни молитву его ради Пречистыя Твоея Матери». Потом, помолясь, сказал: «Даю в церковь сию десятую часть от имений моих и городов моих», — и стала потому называться церковь та Десятинною, и поставил в ней Владимир священником корсунянина Анастаса и дал в нее все сосуды и иконы, которые привез с собою из Корсуни. На радости сделал великий пир епископам и боярам. После крещения стал Владимир очень милостив. Слыша раз в церкви слова Евангелия «блажени милостивии, яко тии помилованы будут», велел всякому нищему и убогому приходить на двор княжий и брать, что ему нужно: пищу, питание и даже деньги. Устроив это, он сказал: «Больные и старые не могут приходить к двору моему», — и велел положить на воз хлеб, мясо, рыбу, овощи разные, налить в бочки мед и квас, возить все это по городу, кричать: «Где больные, нищие, которые не могут ходить?» — и раздавать таким пищу. Для дружины своей, бояр и почетных горожан устроил постоянный стол в своих хоромаш, где каждый мог пить и есть при князе и без князя: всего было в изобилии. Раз, когда гости подпили, начали они роптать на князя: «Срам нашим головам: едим мы деревянными, а не серебряными ложками». Дошло это до Владимира, и велел он выковать ложки серебряные, говоря: «Серебром и золотом не добуду дружины, а дружиною добуду серебро и золото, как добывали отец мой и дед». Много любил Владимир свою дружину и советовал-

ся с нею обо всех делах, и до сих пор живет память в песнях о пирах *Владимира Красного Солнышка* и о богатырях его. Раз, когда увеличилось число разбойников (может быть, из не желавших креститься некоторые ушли в леса, пошли на разбой), епископы греки, непривычные к русским порядкам (тогда смертной казни не было, а существовала денежная *вира*, т. е. штраф), стали говорить Владимиру: «Умножились разбойники, отчего ты не казнишь их?» – «Боюсь греха», – сказал Владимир. – «Ты поставлен от Бога, – сказали епископы, – на казнь злым и на награду добрым. Должно казнить разбойников, но с разбором». Владимир начал казнить; но, когда стало недоставать денег на войну с печенегам, те же епископы посоветовали снова брать виры.

Закладка Десятинной церкви в городе Киеве в 989 г. Художник В.П. Верещагин

Нападения печенегов были главною бедою того времени. Раз пришли они за реку Сулу. Владимир встретил их у реки Трубежа (что близ Переяславля, в Полтавской губернии), и стояли оба войска, каждое на своей стороне, не смея перейти на другую. Приехал к реке князь печенежский, вызвал Владимира и сказал: «Выпусти ты своего мужа, а я своего: пусть борятся; если твой победит нашего, то не будем воевать три года; а если наш победит твоего, то будем воевать три года». Владимир, возвратясь в свой стан, послал клич

кликать по обозу: «Нет ли мужа, который поборолся бы с печенегом?» – и не нашлось никого. Наутро приехали печенеги и привели своего мужа, а у нас не нашлось никого. И начал тужить Владимир и послал по войску, и пришел старик к князю и сказал ему: «Князь! Я вышел с четырьмя сыновьями, а меньшой сын остался у меня дома; с детства никто не мог его ударить. Раз я побранил его, а он мял кожи и, рассердясь на меня, перервал их руками». Князь был рад и послал за юношею; привели его к князю, и, когда князь рассказал ему все, он сказал: «Не знаю, могу ли я. Попробую: нет ли большого и сильного быка?» Нашли такого быка; раздражили быка раскаленным железом и потом пустили. Побежал бык мимо юноши; он схватил его за бок и выхватил кожу с мясом, сколько мог захватить рукою. Владимир сказал после этого: «Можешь бороться». Поутру пришли печенеги, начали кликать: «Нет ли мужа? Наш уже готов». Еще ночью Владимир велел вооружиться юноше, и сошлись богатыри. Выпустили печенеги своего богатыря: он был огромного роста и страшной силы и посмеялся над русским богатырем, который был среднего роста. Отмерили место между двумя войсками и пустили их драться; крепко боролись они, наконец, русский богатырь задушил печенега и повалил его на землю. Побежали печенеги с криком, а русские погнались за ними, рубя их.

Испытание силы Яна Усмаря. Художник Г.И. Угрюмов

В другой раз пришли печенеги к Василеву (близ Киева); вышел против них Владимир с малою дружиною, и стали одолевать печенеги. Владимир спрятался от врагов под мост. Сеча эта была в день Преображения, и обещался Владимир, если спасется, построить в Василеве церковь Преображения. Когда спасся, исполнил обещание, поставил церковь и сделал пир: сварил 300 корчаг меда, накормил бояр и старцев из всех городов, а убогим роздал 300 гривен (т. е. фунтов серебра). Праздновал князь 8 дней и, возвратясь в Киев, опять сделал пир и созвал на него множество народу.

Раз пошел Владимир в Новгород набирать войско против печенегов, которые беспрестанно тревожили его землю. Узнали об этом печенеги и стали около Белгорода; обступили город так, что никому и выйти было нельзя; сделался голод, а помощи от Владимира ждать было нечего: у него самого не было войска. Собралась в городе сходка, и стали говорить на сходке: «Мы уже умираем с голода, а от князя нет помощи. Чем умирать всем, не лучше ли отдаться печенегам: они кого убьют, а кого и отпустят; все равно, ведь умираем же с голода». На том и решили. Был один старик, не приходивший на сходку. Спросил он: «Зачем была сходка?» И сказали ему: «Люди хотят завтра отдаться печенегам». Услыхав это, послал он за старшинами и сказал: «Слышал я, что хотите отдаться печенегам». Они сказали: «Люди не могут переносить голода». На это сказал он им: «Послушайтесь меня: не передавайтесь три дня и сделайте, что я вам скажу». Когда они обещались, он сказал: «Оберите хоть по горсти овса или пшена, или отрубей»; они исполнили. Он велел женщинам сварить принесенное, как варят кисель, потом выкопать колодец, вставить кадку и влить в нее это варево. Потом велел сыскать меду; нашли, рассытили этот мед, по его наставлению, и влили в кадку, поставленную в другой колодец. Утром, по его совету, позвали печенегов, которые послали десять человек из своих, когда горожане дали им своих заложников. Пришли печенеги в город, надеясь, что горожане сдадутся, а те сказали им: «Зачем вы себя губите? Разве

можете заставить нас сдаться? Десять лет простоите и все-таки ничего не сделаете: нас кормит земля; если не верите, посмотрите». Попробовали печенеги из обоих колодцев, подивились и сказали: «Князья наши не поверят, если сами не поедят». Попробовали и князья и отступили от города.

За год до смерти новое горе узнал Владимир: сын его Ярослав, князь новгородский, отказался платить дань 300 гривен, которую всегда платили новгородцы. Велел Владимир поправлять дороги, мостить мосты, готовясь идти на Ярослава, а Ярослав послал к варягам за море искать помощи. Готовясь к войне, Владимир разболелся в любимом селе своем Берестове и умер (15 июля 1015 г.). Бывшие при нем хотели скрыть его смерть, потому что любимый сын его, Борис, был в то время на войне с печенегами, а в Киеве был старший сын его, Святополк. Окружавшие Владимира не любили Святополка и не хотели, чтобы он сделался князем киевским, а тогда киевский князь считался старшим, и все остальные должны были повиноваться ему. Потому они спустили тело Владимира ночью, проломав пол (жилье было в старину наверху, а внизу помещались службы). Борис, однако, не подросел, и они должны были везти тело Владимира в Киев и поставить в церкви Богородицы. Узнавши это, люди сошлись плакать по нем без числа: бояре плакали, как о защитнике земли, убогие – как о заступнике и кормильце; со слезами положили тело блаженного князя в мраморную раку и схоронили его.

вше · і · ѿ · гра · поидоша · вспояси : +

Легенда о белгородском киселе. Радзивилловская летопись

Святополк сел, таким образом, в Киеве по отце своем, призвал киевлян и начал дарить им; они принимали его дары, но сердце их было не с ним, потому что братья их были с Борисом, а Борис тогда уже возвращался: печенегов он уже не настиг; на возвратном пути он услышал, что отец умер, и горько плакал об отце, который его очень любил. Остановился он тогда на реке Альте (в Полтавской губернии); пришла к нему дружина и сказала: «У тебя отцовское войско, пойди и сядь на столе (престоле) отцовском в Киеве». Он же отвечал им: «Не подыму руки на старшего брата: теперь, когда умер отец, он мне вместо отца». Услыхав это, дружина разо-

шла. Святополк спешил обмануть Бориса и послал сказать ему: «Я хочу быть в ладу с тобою и еще прибавить к тому, что дал тебе отец», — а между тем поехал ночью в Вышгород (близ Киева) и позвал к себе какого-то Путшу и нескольких вышгородцев и сказал им: «Преданы ли вы мне всем сердцем?» Они отвечали: «Мы готовы сложить за тебя свои головы». Тогда он сказал им: «Не говоря никому, пойдите и убейте брата моего Бориса». Ночью пришли убийцы на Альту и, подступив к шатру Бориса, услышали, что блаженный поет заутреню: он уже знал, что его хотят убить. Помолясь, он лег спать. Тогда убийцы, как дикие звери, обступили шатер и прокололи копьем Бориса и слугу его. Слугу этого, родом венгра, по имени Георгия, очень любил Борис и надел ему на шею золотое ожерелье. Убийцы, не могли снять ожерелья, срубили ему голову и потому после не могли найти тела в трупах других, тогда же убитых слуг Бориса. Бориса повезли на телеге: он еще был жив. Узнав об этом, Святополк послал двух варягов приколоть его мечом. Так умер Борис.

Святополк, убив Бориса, задумал также убить Глеба, и с коварством послал сказать Глебу: «Приезжай скорее: отец очень болен». Глеб собрался быстро, сел на коня и поехал с небольшою дружиною. У Волги конь его споткнулся, и он ушиб ногу; тогда сел в лодку; потом перешел в Днепр и подходил уже к Смоленску. Был он уже вблизи от этого города, как получил известие от Ярослава: «Не ходи: отец умер, а брата убил Святополк». Услыхав это, Глеб начал плакать и

молиться, говоря: «Господи! Лучше бы мне умереть с братом, чем жить на сем свете. Брат мой! Если бы я видел твое лицо ангельское, если бы я умер с тобою! А теперь зачем я остался один?» Когда он так говорил, пришли убийцы, посланные Святополком, захватили Глебову лодку и обнажили оружие. Уныли бывшие с Глебом; убийца Горясер велел скорее оканчивать с Глебом, и повар Глебов, по имени Торчин, вынув нож, зарезал Глеба. Тело святого оставили в лесу между двумя колодами. Только после нашли его и вместе с братом положили в Вышгороде, где построили сначала маленькую, а потом большую церковь, и стали на всей Руси чествовать память святых мучеников. Потом Святополк послал убить Святослава, которого настигли на пути в Венгрию, куда он собирался бежать. Тогда начал помышлять: «Избью братию и буду один владеть на Руси», – и начал задабривать киевлян, даря кому платье, кому – деньги.

Между тем Ярослав в Новгороде сначала еще не знал о том, что делается, и готовился к войне с отцом. Варяги, которых он собрал, начали притеснять новгородцев. Встали новгородцы и избили варягов. Ярослав рассердился, но схитрил: послал сказать новгородцам: «Мне уже не воскресить их», – и позвал к себе важнейших горожан, будто на пир, и изрубил их. В ту же ночь прислала ему из Киева сестра Предслава сказать, что случилось. Опечалился Ярослав, послал известить Глеба, а сам поутру собрал новгородцев и сказал им: «Милая моя дружина! Вчера изрубил ее, а сегодня она

мне нужна»; потом утер слезы и прибавил: «Отец мой умер, Святополк сидит в Киеве, избивая братию». Сказали ему тогда новгородцы: «Хоть и избиты наши братья, но мы можем оборонять тебя»; и собрал Ярослав варягов 1000, а других 40 000 и пошел против Святополка, призвав на помощь Бога и сказав: «Не я начал избивать братию, а он; да мстит Бог кровь братии моей; безвинно пролил кровь праведную Бориса и Глеба. Да судит Бог по правде». Святополк, услышав о походе, тоже приготовил войско и стал на берегу Днепра, у Любеча. И стояли оба войска одно против другого три месяца, и стал воевода Святополков, ездя по берегу, укорять новгородцев: «Зачем вы, плотники, пришли сюда с этим хромым? Мы заставим вас строить хоромы». Тогда Днепр начал мерзнуть. У Ярослава был приятель в стане Святополка и послал к нему Ярослав ночью сказать: «Что посоветуешь сделать: меду варено мало, а дружины много». Он отвечал: «Скажите Ярославу: коли меду мало, пусть подаст его к вечеру». Ярослав понял, что он советует биться ночью, и велел своим готовиться, повязать платками головы, чтобы в темноте можно было распознавать друг друга; а Святополк всю ночь пил со своими. Переправился Ярослав, бились до свету и победили Святополка, который бежал к тестю своему, польскому королю Болеславу.

Убийство Глеба в ладье. Клеймо иконы Борис и Глеб с житием

Прошел год. Болеслав пришел со Святополком против Ярослава. Ярослав вышел навстречу им к реке Бугу на Во-лыни. Оба войска стали друг против друга; река разделяла их; дядька Ярослава, Будый, начал задирать Болеслава, говоря: «Дай-ка я проткну палкою твое толстое брюхо», а Болеслав был так толст, что едва мог сидеть на коне; но был он смышлен и сказал войску: «Если вас не обижает эта укоризна, то я один погибну», сел на коня, переплыл реку, а за ним все войско. Ярослав не приготовился, был разбит и убежал в Новгород только с четырьмя человеками; Святополк же с Болеславом пришли в Киев. Сказал Болеслав Святополку: «Разведи мое войско на покорм по городам», – что и было сделано. Когда Ярослав прибежал в Новгород, он хотел уйти за море к варягам, но Константин, сын Добрынин, с новгородцами разрубили его лодку и сказали: «Хотим биться с Болеславом и Святополком», – и стали собирать деньги; на те деньги наняли за морем варягов, а между тем, Святополк велел избивать ляхов, которые стояли по городам. Болеслав, обиженный этим, ушел из Киева, захватив все имение Ярослава, взял сестру его себе в наложницы и корсунянина Анастаса к себе в казначеи. Ярослав тогда пошел на Святополка, выгнал его из Киева, и бежал Святополк к печенегам, а на следующий год пошел с печенегами на Ярослава.

Ярослав встретил Святополка на берегу Альты и, став на том месте, где убит был Борис, поднял руки к небу и ска-

зал: «Кровь брата моего вопиет к тебе, Владыко! Мсти за кровь праведного, как мстил за кровь Авеля, положив на Каина стенание и трясение», – потом прибавил: «Братья мои! Хоть вы телом и не здесь, но молитвою помогите мне против этого гордого убийцы». Битва началась с восходом солнечным и продолжалась до вечера; три раза сходились в рукопашный бой, наконец одолел Ярослав, а Святополк убежал в пустыню между чехами и ляхами и там умер. Ярослав же сел опять в Киеве. Из братьев остались в живых только Судислав и Мстислав, да был еще племянник Брячислав Полоцкий. Брячислава скоро Ярослав подчинил себе; с Судиславом жил он сначала мирно, а через несколько лет посадил в тюрьму; с Мстиславом же было не так легко справиться.

Мстислав этот княжил в Тмуторокани, на устье Кубани-реки. Он прозван за свою храбрость *Удалым*. Вот как рассказывают об одном его подвиге. Воевал он с касогами (черкесами); князь их Редедя сказал ему: «Зачем мы губим дружины свои; давай лучше бороться: ты одолеешь – возьми имение мое, жену мою и детей; я одолею – возьму все твое». Мстислав согласился. Боролись долго, начал одолевать Редедя: был он высок ростом и силен. Тогда Мстислав воскликнул: «О, Пречистая Богородица! Помоги мне: если я одолею, то дострою церковь во имя Твое». Сказавши это, повалил Касога на землю. Воротясь в Тмуторокань, он построил церковь Св. Богородицы. Недовольный тем, что Ярослав все взял себе, а с ним не делится, Мстислав пришел к Киеву,

когда Ярослав был в Новгороде; но киевляне не пустили его к себе; тогда он пошел к Чернигову и сел там. Узнал об этом Ярослав и послал за море к варягам; пришел к нему Якун, который носил золотом тканый плащ (луду). Пошли они на Мстислава и сошлись у Листвена, близ Чернигова. Мстислав так устроил войско, что против варягов поставил северян (славянское племя, жившее в Черниговской области: от них и до сих пор называется город Новгород-Северский), а сам с дружиною стал на крыле. Наступила темная ночь, поднялась гроза, и тогда Мстислав вступил в битву: изрубили варяги северян и утомились; тут Мстислав повел на них свою дружину. Страшна была эта сеча при блеске молнии. Увидел Ярослав, что его побеждают, ушел в Новгород, а Якун, который потерял даже свой плащ, бежал за море. Обошел поутру Мстислав поле битвы, посмотрел на тела убитых северян и варягов и сказал: «Кто бы не был рад этому? Вот лежит северянин, вот варяг, а дружина цела», — и послал сказать Ярославу: «Сядь в Киеве: ты старший брат, а мне пусть будет та сторона»; но Ярослав долго не верил ему и не шел в Киев; наконец, они помирились и разделили Днепром Русскую землю. Пока жив был Мстислав, братья жили в мире; на двенадцатый год (1036 г.) после битвы лиственской Мстислав пошел на охоту и умер. Был он толст; лицо у него было красное, глаза большие; был он храбр на войне; много любил свою дружину, не щадил для нее ни денег, ни питья, ни кушанья. Тогда Ярослав остался один владеть землею Русскою.

Единоборство Мстислава с Редедей. Художник Н.К. Рерих

Ярослав не оставлял войны: так ходил он не раз в Польшу на помощь тамошнему королю, ходил в землю чуди, где построил город Юрьев, по своему христианскому имени: звали его Юрием или Георгием (теперь на этом месте город Дербнт); посылал сына своего Владимира против греков, которые стали обижать русских купцов. Поход этот был неудачен: греки набрали много пленных и ослепили их всех. Но больше Ярослав оставался в Киеве и строил церкви и монастыри. Самая важная из церквей, которую он построил – Св. Софии, сооруженная по образцу царьградской. Обвел он Киев новою стеною и, как в Царьграде, устроил золотые ворота. При нем

вера христианская начала сильно укрепляться. Ярослав любил беседовать с священниками, любил читать книги, собирал писцов и приказывал им переписывать книги (тогда еще печатать не умели); а если какая книга была еще не переведена, да узнавал о ней Ярослав, что есть она по-гречески, то велел переводить ее. Не одними церковными делами занимался Ярослав: новгородцам, которые так много помогли ему, он дал льготные грамоты, и новгородцы требовали от каждого князя, чтобы он клялся сохранить грамоты Ярославовы. Память его они сильно чтили: двор княжий у них постоянно назывался *Двором Ярославовым*. Кроме того, при Ярославе записаны те обычаи, по которым судили исстари, и назвали эту запись *Русскою Правдою*, потом ее дополняли, и долго только по ней велся суд на Руси. В ней еще не отменен был обычай – за смерть родственника мстить всему роду убийцы, только указано, кто именно может мстить: могли мстить самые близкие родные. Сыновья Ярослава и это уничтожили и установили за убийство платить деньги. Показаны цены за убийство, раны и т. д.; показано, что, в случае если не найдут убийцу, платит пеню вся община: стало быть, еще тогда существовала у нас круговая порука.

До Ярослава наши митрополиты не только ставились в Царьграде патриархом, но и назначались там; даже епископы были или греки, или болгары; только священники были уже и из русских. Еще Владимир велел при церквах учить детей читать, чтобы сделать их священниками. Сначала матери, от-

пуская детей в училище, плакали по ним, как по мертвым. Ярослав в то время, как не ладил с греками, задумал поставить митрополита из русских, и чтоб его поставили русские епископы. Был в селе Берестове, куда Ярослав любил ездить, священник в церкви Святых апостолов, по имени Иларион, человек добрый, книжный и строгий постник: часто ходил он молиться в лес над Днепром, ископал себе в берегу пещерку и там молился; его-то выбрал Ярослав и поставил в митрополиты. Пещерка осталась пустая; поселился там св. Антоний и основал Печерский монастырь. Об этом скажем после.

Великий князь Ярослав Мудрый. Художник В.П. Верещагин

Поставив Илариона, Ярослав прожил только три года. Собираясь умирать (1054), позвал он своих сыновей и сказал им: «Отхожу от этого света, дети мои; имейте между собою любовь, потому что вы братья, одного отца и одной матери дети. Если будете любить друг друга, то Бог будет с вами и

покорит вам всех супротивных и станете жить мирно; если же будете с ненавистью ссориться, то погибнете сами и погубите землю, которую отец и дед ваш добыли трудом великим. Пребывайте мирно, слушайтесь (как меня слушались) старшего брата Изяслава, которому оставляю старший город Киев, Святославу даю Чернигов, Всеволоду – Переяславль, Вячеславу – Смоленск, Игорю – Владимир Волынский». И, разделив им города, запретил переступать предел братнин и сгонять брата. Изяславу же сказал: «Если кто обидит брата, то помогай тому, кого обидели». Потом уже, совсем больной, поехал в Вышгород и там еще больше разболелся, и был при нем только Всеволод, которого он любил больше других братьев. Когда он умер, повезли его в Киев и положили в мраморную раку в церкви Св. Софии.

Незадолго до смерти Ярослава в той пещере, где спасался Иларион, поселился, как сказано, Антоний. Был он родом из города Любеча (в Черниговской губернии); в миру его звали Антипою. С детства благочестивый, он почувствовал желание к уединенной жизни и решился идти на Святую гору Афонскую, которая в то время славилась святостью иноков своих. Обходя тамошние монастыри, Антипа еще сильнее пожелал иночества и упросил одного из тамошних игуменов постричь его; в монашестве он получил имя Антония. Постригшись, он удалился в пещеру, которую и до сих пор показывают на Святой горе. Игумен, постригавший Антония, видя его подвиги, сказал ему однажды: «Антоний! Иди

опять в Русь, и да будет над тобою благословение Святой горы: многие иноки произойдут от тебя».

Пришел Антоний в Киев и пошел по монастырям тамошним; но не понравилась ему жизнь в этих монастырях: построены они были князьями да знатными людьми, и жили в них иноки, как в миру. Пошел тогда Антоний по дебрям и горам и пришел к пещерке, выкопанной Иларионом, понравилась она ему, и начал он со слезами молиться Богу: «Господи! Утверди меня в месте сем! Да будет на нем благословение Св. горы и игумена, который постриг меня». Стал он копать пещеру, трудясь с постом и молитвою. Скоро узнали о нем люди и стали приносить ему все, что нужно для жизни. Приходящие просили у него благословения, а иные поселялись с ним. Первый поселился св. Никон; мы не знаем, откуда он был родом, знаем только, что он был священник и что св. Антоний поручил ему постригать тех, кто желал с ними остаться. Потом пришел св. Феодосий.

Родился Феодосий в городе Василеве (близ Киева); родители его были христиане и люди благочестивые. По повелению князя переселились они в город Курск. С детства святой отличался большим благочестием: ходил каждый день в церковь и внимательно слушал слово Божие; игр детских не любил; носил всегда одежду худую и в заплатах. Родители заставляли его надевать чистую одежду и идти играть с детьми, он же не слушался их и все просил отдать его поучиться читать. Нашли учителя, и он скоро выучился. Когда умер отец,

Феодосий был тринадцати лет от роду и тогда уже отличался подвигами смирения; стал он выходить с рабами своими в поле и там работать. Мать его часто за то бранила и даже била: была она сильна и крепка, как мужчина; но Феодосий не слушался ее в этом: не одевался в нарядное платье и не шел на игры к детям. Слышал он о святых местах, где пострадал Господь наш Иисус Христос, и захотел идти поклониться тем местам. Пришли в дом к его матери странники; Феодосий принял их с любовью и спросил: «Откуда вы?» Странники отвечали: «От святых мест, и, если будет угодно Богу, идем опять туда же». Феодосий стал просить их взять и его с собою; согласились странники. Феодосий встал потихоньку ночью и ушел за ними вслед; узнала об том мать и погналась за ним. Когда она догнала сына, то схватила его за волосы и начала бить ногами, а странников стала бранить. Потом связала Феодосия и связанного привела его в свой дом, где опять стала бить его, пока не устала. Когда же кончила, заперла его в пустую комнату и привязала тут. Через два дня она принесла ему пищу и выпустила его, но на ноги надела ему железо. Прошло еще несколько дней, сжалилась мать над Феодосием, сняла железо и начала просить его не уходить; Феодосий обещал ей это. После по-прежнему стал ходить каждый день в церковь. Заметив, что иногда не бывает службы, оттого что некому печь просфор, он вздумал заняться этим делом. Так прошло двенадцать лет; сверстники его часто над ним смеялись, но Феодосий ничем не смущался; мать же его

оскорблялась этими укоризнами и начала просить сына бросить это дело. Феодосий отвечал ей: «Послушай меня, мать, прошу тебя, послушай: Сам Господь наш смирился и принял вид раба; тем дал он нам пример, чтобы и мы смирились Его ради. Был Он поруган и оплеван и заушен и все претерпел нашего ради спасения, так не должны ли мы все терпеть, чтобы приобрести Христа? А о деле моем скажу тебе вот что: когда Господь возлежал на вечери с учениками, тогда взял хлеб, благословил, преломил его и сказал: „Примите, едите, сие есть тело, еже за вы ломимое во оставление грехов“. Если сам Господь нарек хлеб Своею плотью, то как же не делать мне этого дела с радостью?» Удивилась мать его мудрости и оставила его на время в покое; но через год, видя, что он печет просфоры и почернел от дыма печи, огорчилась и начала опять то ласкою, то угрозою, то побоями отучать его от этого дела. Феодосий опечалился этим и не знал, что ему делать, встал раз ночью и ушел в другой город, бывший неподалеку; там поселился у священника и стал продолжать свое занятие. Мать стала искать его в Курске, не нашла и, узнав, где он живет, с гневом пришла в дом священника, начала бить сына, увела домой и сказала ему: «Не смей уходить от меня! Уйдешь – найду, побью и связанного приведу домой». Покорился Феодосий и только тем и веселился, что каждый день ходил в церковь. Узнал о нем начальник города, полюбил его за смирение и велел жить в церкви при своих хоромах; дал ему хорошую одежду и велел ходить в ней. Феодо-

сий несколько дней носил это платье, но потом оно надоело ему, как тяжесть какая, снял его и отдал нищим, а сам по-прежнему надел свое изорванное платье. Увидал это начальник города, дал ему еще лучшую одежду; он снял и ту и отдал нищим. Так делал он много раз, и, видя то, начальник города стал еще больше любить его за смирение. Однажды пошел Феодосий к кузнецу и велел ему сковать вериги, которые и надел на себя. Как-то в праздник пришла к нему мать и велела надеть ему чистое платье: в тот день Феодосию нужно было служить за столом начальника города, у которого назначен был пир для всех знатных людей того города. Начал Феодосий одеваться при ней; мать же, увидя кровь на сорочке его, разорвала сорочку, нашла под нею вериги, вьевшиеся в тело, сорвала вериги и стала бить с яростью. Феодосий же все перенес со смирением и с веселым лицом пошел служить на пир.

Святой Феодосий Печерский. Икона

Потом, слыша слова евангельские «аще кто не оставит отца или матери и вслед Мене не грядет, тот несть Мене достоин», Феодосий, воспользовавшись тем, что мать уехала на несколько дней в поле, вышел тайно из дома, взяв с собою только платье, которое на нем было, да немного хлеба, и пошел к Киеву, где, как он слышал, было уже много монастырей. Так как дороги он не знал, то, встретив тяжелые возы, идущие в Киев, пошел вслед за ними издали, не показываясь извозчикам. Когда они останавливались ночевать, он тоже ложился в стороне; так шел он три недели. В Киеве обошел Феодосий все монастыри; но монахи, видя простого юношу, в изорванном платье, не хотели принять его.

Услыхал тогда Феодосий о святом Антонии, что он живет в пещере, пришел к нему, поклонился ему в землю и со слезами просил взять его к себе. Антоний сказал: «Видишь эту пещеру: она место скорбное и тесное; ты же, кажется, молод и не вынесешь скорби на месте том». Феодосий же отвечал ему с умилением: «Знай, честный отче, что всеведец Бог привел меня к твоей святости и велит спасти меня, потому буду делать, что ты велишь». Антоний сказал на то: «Благословен Бог, чадо, укрепивший тебя на этот подвиг; будь в сем месте». Феодосий опять поклонился ему; старец благословил его и велел Никону постричь его, и стал Феодосий жить с ними в пещере, занимаясь постом, молитвою и трудами.

Мать долго искала его в своем городе и окольных городах, но, не находя, скорбела о нем, как о мертвом, однако все-таки объявила по всей стране той, что даст большую награду тому, кто скажет ей, где ее сын. Пришедшие из Киева сказали, что, четыре года перед тем, ходил он по монастырям и просил постричь его. Услыхав это, пошла она, нимало не медля, в Киев искать сына. Пришедши, обошла все монастыри и узнала, наконец, что он в пещере у Антония. Пришла она к пещере и стала хитростью вызывать старца: «Скажите, – говорила она, – преподобному, чтобы он вышел ко мне. Пришла я издалека, чтобы видеть его, беседовать с ним и быть от него благословленною». Вышел к ней Антоний; сначала говорила она о постороннем, потом уже открыла причину своего прихода и сказала: «Прошу тебя, отче, скажи, здесь ли сын мой? Много печалюсь я, не зная, жив ли он?» Простодушный старец, не поняв ее хитрости, сказал: «Сын твой жив и здесь; не печалься о нем». Сказала она ему на то: «Отчего же я не вижу его? Пришла я издалека, чтобы видеть его и уйти назад». Сказал ей старец: «Если хочешь его видеть, то ступай домой, а я пойду уговорю его, потому что он не хочет никого видеть; приходи завтра и увидишь его». Пошел Антоний к Феодосию, стал просить его выйти к матери; он не соглашался. На другой день пришла мать. Антоний опять пошел к Феодосию, опять уговаривал его и опять Феодосий отказался. Вышел Антоний к матери и сказал ей: «Много просил я сына твоего выйти к тебе, да он не хочет».

Тогда мать начала гневно кричать: «Обидел меня этот старец: сын мой у него, а он его спрятал и не хочет мне показать его. Покажи мне его, старец, а если не покажешь, то убью сама себя перед пещерою». Тогда Антоний снова взошел в пещеру к Феодосию, стал просить его выйти к матери и едва упросил. Не хотел Феодосий послушаться старца и вышел к матери. Опечалилась мать, когда увидала, как изменился сын от трудов и воздержания; обняла его и так горько заплакала, что едва могли ее успокоить; потом села и начала говорить Феодосию: «Возвратись, чадо, в дом свой, делай на воле, что считаешь нужным для спасения души своей, только не разлучайся со мною; когда же я умру, тогда возвращайся в пещеру, а я без тебя жить не могу». Отвечал ей Феодосий: «Если хочешь видеть меня каждый день, то пойди в женский монастырь и постригись; а если этого не сделаешь, никогда меня не увидишь». Долго не хотела сделать этого мать, наконец постриглась в монастыре Св. Николая, где прожила еще много лет до мирной своей кончины.

Так жили в пещере святые подвижники, и стал часто ходить к ним сын первого Изяславова боярина Иоанна; наслаждался беседою их и захотел, презрев славу и богатство мира сего, поселиться с ними и сказал о том Антонию. «Хорошее твое желание, чадо, – сказал Антоний, – но берегись, чтобы богатство и слава опять не привлекли тебя, Господь сказал: „Никто же возложь руки своея на рало и зря вспахать, управлен есть в царствии небесном“, так и монах, который мыс-

лию обращается к миру и заботится о мирском, не внидет в жизнь вечную». Много еще говорил он юноше, а в юноше еще более усилилось желание вступить в монастырь. Ушел он домой, а на другой день, одевшись в лучшее платье, сел на коня и поехал к старцу; за ним рабы вели другого коня. Когда приехал он к монастырю, старцы вышли ему навстречу и поклонились, как тогда кланялись вельможе, а он сошел с коня, снял с себя одежду и, положив ее у ног старца, сказал: «Все это, отче, прелесть мира сего; делай с ними что хочешь, а я уже все презрел; хочу быть монахом, не возвращусь в дом свой и останусь жить с вами в пещере». Сказал ему на то Антоний: «Берегись, чадо! Кому обещаешься, чьим воинном хочешь быть? Ангелы слышат обеты твои, а вдруг придет твой отец, силою уведет тебя, а мы тебе помочь не можем, и солжешь ты пред Господом». – «Верую Богу моему, отче, – сказал юноша, – если отец и мучить меня станет, не послушаю его, не возвращусь в мир. Прошу тебя, отче, вели скорее постричь меня». Велел Антоний Никону постричь его, и дали ему имя Варлаам. Пришел тогда же к старцам любимец князя, который поручал ему весь свой дом, и стал просить Антония постричь его; постригли его и называли Ефремом. Узнал Изяслав о пострижении Варлаама и Ефрема, сильно разгневался и тотчас повелел привести к себе одного из старцев, и привели к нему Никона. Взглянув на старца с гневом, князь спросил его: «Ты ли постриг боярина моего без повеления моего?» – «Благодатию Божиею я постриг, –

отвечал Никон, — повелением Царя Небесного, Иисуса Христа, призвавшего его на такой подвиг». — «Или увещай его возвратиться домой, — сказал князь, — или сошлю всех вас в заточение, а пещеру вашу раскопаю». — «Как угодно тебе, владыко, — сказал Никон, — так и делай, только не мне отворачивать воина от Царя Небесного». Пока Никон был у князя, Антоний и братья, взяв свои одежды, ушли из Киева. К князю пришел некто из дружины и сказал об уходе старцев; тогда княгиня уговорила своего мужа воротить их. Изяслав послушался, отпустил Никона, а за Антонием послал вслед с просьбою вернуться. Три дня уговаривали старцев, и наконец они согласились. Узнал боярин Иоанн, что князь ничего не сделал старцам, собрал слуг своих и пошел к пещерам. Приехавши, разогнал монахов, схватил своего сына, увел его с собою, снял с него мантию и клобук и кинул их в овраг; а потом одел его в платье боярское. Варлаам же сбросил с себя это платье; опять одели его, он опять сбросил и повторял это несколько раз. Рассердился отец и велел связать ему руки и связанного вести его по городу. Варлаам по дороге увидал грязную яму, скинул в нее свое платье и стал попирать его ногами. Когда пришли домой, отец посадил его за стол; он же сидел, не ел ничего и смотрел в землю. После обеда отпустил его отец в его комнату и велел присматривать, чтобы он не ушел. Пришла к нему и жена уговаривать его. Варлаам же сел в угол и просидел так три дня. На четвертый день пришли сказать боярину, что сын не ест и не пьет три дня.

Сжалился он над ним и отпустил его в пещеру. Весь дом шел провожать его с плачем, как мертвого; в пещере же встретили его отцы с радостью.

Приходящих к Антонию становилось все больше и больше, и хотя некоторые ушли из пещер (Никон – в Тмуторокань, Ефрем – в Царьград), все-таки скоро собралось до пятнадцати братьев. Тогда Феодосий, по повелению Антония, был поставлен в священники, а сам Антоний, не терпя шума и говора и любя уединение, затворился в одной из келий пещеры, а игуменом поставил Варлаама. А потом ушел Антоний на другой холм и выкопал там пещеру, где и теперь покоятся его святые мощи. Варлаам же поставил над пещерою небольшую церковь Св. Богородицы, куда сходились братья на общую молитву. С тех пор все начали знать *Печерскую обитель*.

Жизнь в пещере была тесная и скудная; ели отшельники только хлеб с водою, а в субботу и воскресенье варили себе чечевицу; а если ее не было, то варили зелень. Плели они из шерсти камилавки и клобуки и носили их продавать в город, покупали на эти деньги хлеб в зернах, который и разделяли между собой, а ночью каждый смалывал свою часть на ручной мельнице (сначала люди толкли хлебные зерна в ступе, потом придумали ручные мельницы, а после уже ветряные и водяные); потом пели заутреню, а после каждый занимался своим делом: кто плел, кто копал в огороде, и так продолжали до обедни; после обедни каждый съедал немного хлеба и

шел на свою работу. Так жили в пещере; святой же Феодосий был ревностнее всех: носил воду, дрова из лесу, ночью же молился. Случалось иногда ему видеть, что кто-нибудь из братьи не смолот своего зерна и уснул: возьмет за него то зерно Феодосий и смеет.

Когда князь перевел Варлаама игуменом в обитель Св. Дмитрия, им построенную, собрались братья и выбрали себе в игумены Феодосия. Феодосий, став игуменом, остался по-прежнему смиренным: помнил он евангельское слово: «Кто из вас хочет быть старшим, пусть будет меньше всех и всем слуга». Стала тогда обитель еще больше возрастать; братии все прибавлялось; приходили многие богатые люди просить благословения и приносили от себя дары. Видя, что в пещере уже слишком тесно, выбрал Феодосий место на горе; пошли братья к Антонию и сказали ему: «Отче, братии стало больше, хотим поставить монастырь». Антоний отвечал: «Благословен Бог обо всем; да будет с вами молитва Св. Богородицы и отцов Св. горы», и послал к Изяславу: «Бог умножает братию, а места у нас мало, отдай нам гору». Изяслав отдал им гору. Поставил Феодосий церковь, обвел оградой и поставил много келий. В 1062 г. освятили новую церковь, перешли в монастырь. Тогда же введено и общежительное житие по уставу цареградского Студийского монастыря.

В обители все совершалось по благословию игумена и освящалось молитвою. Когда наступало время службы церковной, один из пономарей приходил в келью преподобно-

го Феодосия и просил у него благословения созывать братию. Точно так же, когда повар собирался варить пищу, он прежде приходил за благословением к игумену, потом клал три земных поклона у алтаря, зажигал у того алтаря свечу и ею разводил огонь. Кто что-нибудь сделал без благословения, на того игумен накладывал епитимью; а пищу, приготовленную без благословения, Феодосий приказывал бросать в огонь или в реку.

Варлаам Печерский. Икона XIX в.

В кельях не позволялось братии держать ничего своего:

ни пищи, ни одежды, сверх положенной, никакого другого имущества. Если преподобный Феодосий, обходя кельи, находил что-нибудь такое, то приказывал кидать в огонь, а провинившемуся брату давал наставление.

В кельях братья должны были молиться, петь псалмы или заниматься рукоделием; после вечерни запрещено было ходить друг к другу в келью беседовать. Если Феодосий, обходя ночью кельи, слышал молитву, то благодарил Бога; а если слышал беседу двух или трех, то стучал в дверь и уходил. Наутро призывал виноватых и уличал в грехе: кто покается, того прощал, а другим назначал епитимию.

Ночью братия молилась; для отдыха назначен был полдень, когда запирались монастырские ворота и до вечерни никого не впускали в монастырь. Раз в полдень пришел к монастырю князь Изяслав. Приехав к воротам, он сошел с коня, потому что никогда не въезжал верхом на монастырский двор. Остановясь, князь велел отворить ворота; но брат, стоявший у ворот, сказал ему, что игумен не велел никого ни впускать в монастырь, ни выпускать оттуда до вечерни. «Это я, – сказал Изяслав, – пусти одного меня». Инок, не узнав князя, сказал: «Я уже говорил тебе, что велено мне от игумена не отворять ворот, даже если бы пришел сам князь; если хочешь, потерпи до вечерни». – «Я князь! Разве ты и мне не отворишь?» – Поглядел инок и узнал князя, но ворот не отворил, а пошел к игумену. Феодосий пришел сам, увидел князя и поклонился ему. «Правду ли, отче, – спросил

князь, — говорит, что ты не велел пускать и князя?» — «Я дал такое повеление, — отвечал Феодосий, — для того чтобы иноки не выходили в такое время; а твоему приходу мы всегда рады». Тогда вошли они оба и начали беседовать.

Много поучал Феодосий своими наставлениями, еще больше поучал своим примером. Ел он только сухой хлеб или вареную зелень без масла, пил только воду; ночи проводил в молитве; в Великом посту до Вербной недели уходил в пещеру, которая теперь называется Феодосиевою; в пятницу перед Лазаревою субботою, во время вечерни, возвращался в монастырь и, став в дверях церковных, поучал братию. В работах он помогал братии, пособлял даже хлебы печь и никогда не знал ни усталости, ни отдыха: был он крепок и силен телом. Пришел к нему однажды келарь и сказал, что некому носить воду. Феодосий встал, нимало не медля, и начал носить воду из колодца; увидел это один из братии, сказал другим — и все пришли помогать игумену и наносили воды даже больше, чем нужно. В другой раз не было дров. Пришел келарь к Феодосию и сказал: «Повели тому из братьи, который празден, наносить дров». — «Я празден», — сказал Феодосий, взял топор и пошел рубить дрова, а братии приказал идти обедать. Братия, окончив трапезу, увидали, что игумен рубит дрова, взяли топоры и нарубили столько дров, что их стало на много дней. Случилось раз Феодосию долго просидеть у Изяслава, который в то время был где-то за Киевом; так как наступала ночь, то князь велел заложить по-

возку и свезти преподобного в монастырь. По дороге слуга, не знавший, кого он везет и по худому платью считавший Феодосия за простого монаха, сказал ему: «Черноризец! Ты всегда празден, а я работаю и не могу от усталости ехать на коне; садись ты на коня, а я лягу в повозку». Феодосий, не говоря ни слова, так и сделал. Начинало рассветать; стали им по дороге попадаться бояре, которые ехали к князю; бояре, узнав преподобного, сходили с коня и кланялись ему. Тогда Феодосий сказал: «Теперь уже утро, чадо, садись на коня». Увидавши, что бояре кланяются Феодосию, испугался слуга и пересел на коня; еще больше испугался, когда, подъехавши к воротам монастыря, увидел, что черноризцы вышли и поклонились игумену в ноги. Феодосий же взял его за руку, велел накормить и дал ему еще денег. Рассказал об этом сам повозник; Феодосий же никому не говорил о том. Феодосий был милосерд: близ монастыря велел он построить особый двор с церковью во имя первомученика Стефана и принимал туда нищих, слепых, хромых и прокаженных, и на содержание их отпускал десятую долю всего монастырского имущества. Каждую субботу посылал он воз хлеба заключенным в темницы. Милостив он был и к тем, кто делал зло обители. Раз поймали воров в монастырском селе и привели их к Феодосию. Он велел их развязать и накормить и стал поучать их, чтобы впредь они никому не делали зла. Потом отпустил, наделив всем нужным. Все несправедливо обиженные шли к Феодосию, как к своему заступнику. Пришла раз вдова, которую

обидел судья неправедный; навстречу ей попался Феодосий; не узнав его, вдова спросила: «Где игумен?» – «Зачем он тебе? – сказал Феодосий. – Он человек грешный». – «Грешен он или нет, не знаю, – отвечала вдова, – знаю только, что он многих избавил от печали и напасти; пришла и я просить у него заступления». Феодосий обещал сказать игумену; вдова рассказала свои дела; тогда пошел он к судье и добился того, чтоб все неправедно отнятое было отдано назад.

В 1069 г. большое горе постигло обитель Печерскую. Князь Изяслав рассердился на Антония и, боясь его гнева, Святослав, брат его, взял Антония ночью и увез к себе в Чернигов, где он выкопал себе пещеру в Болдиных горах; на месте том после был монастырь, который теперь закрыт. После Антоний опять возвратился в Киев. Случилось это вот как. Всеслав, князь полоцкий, внук Рогнеды, о которой уже говорено, напал на Новгород. Изяслав и братья его пошли помогать новгородцам, разбили Всеслава; потом зазвали его к себе, обещавши под присягою не делать ему зла. Всеслав поверил им, пришел, а они захватили его и посадили в темницу. Этого-то и не одобрял Антоний. Потом, когда напали на Русь половцы, новый кочевой народ, появившийся там, где когда-то бродили печенег, и выгнавший их, князья, выступившие против них, пришли просить благословения у старца. Он сказал им, что половцы разобьют их. Так и случилось. Изяслав и Всеволод бежали в Киев, а Святослав в Чернигов. Собрались киевляне на сходку на площади и послали сказать

князю: «Половцы разошлись по всей земле; дай нам, князь, оружие и коней, мы пойдем биться с ними». Не послушался Изяслав; тогда в народе началось большое смятение: одни пошли к княжьему двору, другие – к тюрьме. Князь сидел в сенях; народ начал с ним спорить; а в это время один из бояр княжеских увидал, что другие идут к тюрьме, и сказал князю: «Пошли стеречь Всеслава». Когда народ подходил уже к тюрьме, дружина сказала князю: «Пошли вызвать Всеслава хитростью к окошку и убить его». Князь послушался, а народ в то время сломав тюрьму, уже выпустил Всеслава. Изяслав бежал из Киева, а Всеслав сделался князем. Пошел Изяслав в Польшу и через семь месяцев возвратился на Русь с Болеславом Польским. Вышел против него Всеслав к Белгороду (около Киева) да ночью и бежал в Полоцк. Увидали киевляне, что Всеслав бежал, собрались на сходку и послали сказать Святославу и Всеволоду: «Дурно мы сделали, что прогнали князя; а теперь он идет на нас с ляхами. Пойдите в город отца вашего; а если не пойдете, то мы сождем город и уйдем в Грецию – больше нам делать нечего». Святослав отвечал им: «Пошлите к брату; если придет с ляхами губить вас, то мы пойдем на него ратью, не дадим погубить отцовского стольного города; если придет с миром, то пусть идет с малою дружиною». Утешились киевляне, а Святослав и Всеволод послали сказать брату: «Всеслав бежал, противника у тебя нет, не води ляхов; а если хочешь погубить Киев и гневаться, то знай, что нам жаль отцовского города». Услыхав

это, Изяслав пошел к Киеву с Болеславом и небольшою дружиною, а перед собою послал сына своего Мстислава. Пришел Мстислав в Киев, изрубил 70 человек из тех, которые выпустили Всеслава, других ослепил; попадались и невинные. Ляхов, расставленных по городам, народ стал избивать, тогда Болеслав ушел в Польшу; Изяслав пошел к Полоцку, выгнал Всеслава и посадил в Полоцке своего сына. После, однако, Всеслав опять вернулся. Покончив со всеми своими врагами, вспомнил Изяслав об Антонии, тогда-то и спас его Святослав.

Древнейшее сохранившееся изображение Антония Печерского

Недолго оставался спокойным Изяслав. Святослав, желая более власти, обольстил Всеволода, пославши сказать ему: «Изяслав советуется против нас со Всеславом; если мы его не выгоним, то он нас выгонит». И выгнали Изяслава. Пошел Изяслав к ляхам, захватив с собою много денег и надеясь на те деньги добыть помощь, да не удалось ему. Долго ходил он по разным землям, возвратился в Киев только тогда, когда умер Святослав (в 1077 г.).

Изгнавши брата, Святослав и Всеволод стали искать поддержки в Феодосии Печерском; послали звать его к себе обедать, но Феодосий отвечал: «Не вкушу брашна, исполненного крови и убийства, и не пойду на трапезу иезавелину». (Иезавель, царица израильская, известна своим нечестием, ненавистью к пророкам, и в особенности к жившему тогда пророку Илии, и, наконец, своею ужасною кончиною: она выброшена была из окошка и съедена собаками). После того не раз Феодосий обличал Святослава: написал к нему письмо и говорил в том письме: «Кровь брата вопиет на тебя к Богу, как кровь Авелева на Каина». Разгневался Святослав и бросил письмо на землю. Стали говорить, что Феодосий будет сослан в заточение. Феодосий с радостью готовился принять мучение за правду; но Святослав побоялся тронуть праведника, хотя Феодосий долго не велел поминать его на ектени-

ях, а поминал Изяслава, и только по общей просьбе велел поминать его после Изяслава. Тогда перестал он и обличать, надеясь тронуть Святослава просьбой. Святослав, который давно хотел побеседовать с Феодосием, узнав, что он перестал говорить против него, послал спросить, не позволит ли он приехать к нему в монастырь. Когда Феодосий дозволил, Святослав пришел. Феодосий с братиею вышел к нему навстречу и поклонился. «Отче! – сказал Святослав, – не смел я прийти к тебе в монастырь: думал, что ты гневаешься на меня и непустишь в монастырь». – «Что наш гнев для твоей власти, добрый князь! – отвечал Феодосий. – Наше дело – сказать вам, что нужно для спасения души, а ваше дело – послушать». Вошли они в монастырь и стали говорить. Феодосий говорил ему от Священного Писания, что нужно любить брата; а Святослав складывал всю вину на брата и не хотел с ним помириться. Много раз после ходил Феодосий к Святославу и увещевал помириться с братом, но всегда безуспешно. Хотя Святослав так любил Феодосия, что говорил ему: «Отче! Правду говорю тебе, что если бы сказали мне, что отец встал из гроба, не так бы я обрадовался этому, как твоему приходу; не боялся бы его и не смущался бы так пред ним, как перед тобою». – «Если так боишься меня, – сказал Феодосий, – то возврати брата». Святослав на это ничего не отвечал. Случилось раз Феодосию прийти к Святославу. Вошел в комнату, сел и увидел перед собою музыкантов: кто играл на гусях, кто – на органах, а иные пели песни. Бла-

женный сидел, потупив голову, потом сказал: «Будет ли так на том свете?» Святослав умилился, заплакал и с тех пор не велел играть, когда приходил преподобный.

Не дождался Феодосий возвращения Изяслава: он скончался 3 мая 1074 г. Почувствовав приближение кончины, позвал Феодосий братию и начал со слезами поучать их ревностно исполнять свои обязанности; потом благословил их и отпустил. Холод стоял жестокий, но жар жег тело Феодосия. Лег он на одре и сказал: «Да будет воля Божия, что угодно Богу, то и сотворит со мною». Сказав это, замолк и больше ничего не мог говорить. Три дня лежал он молча, потом позвал братию и сказал: «Братия моя и отцы! Вот я знаю, что время жизни моей оканчивается, как открыл мне Бог отшествие из сего света, когда я постом был в пещере. Подумайте, кого выбрать игуменом после меня». Они стали просить его самого назначить. Феодосий выбрал Иакова. Братья отреклись и сказали, что Иаков не у них пострижен: он был прежде священником на Альте, где убит Борис; и выбрали они Стефана. Феодосий сказал: «Я выбрал вам по Божьему повелению Иакова, но вы хотите Стефана», – и, благословив Стефана, сказал: «Чадо! Отдаю тебе монастырь: охраняй его, не нарушай предания монастырского и не изменяй устава». Когда на шестой день зашел навестить его Святослав, Феодосий просил князя не дать в обиду Стефана. Когда он скончался на восьмой день, тело его, по его завету, положили в пещере. После (в 1091 г.) перенесли его святые мощи в церковь Пе-

черскую. Незадолго до Феодосия скончался Антоний.

Преподобные Антоний и Феодосий Печерские на фо-

не Успенского собора Киево-Печерского монастыря. Икона XVII–XVIII вв.

Обитель Печерская осталась верна наставлениям двух святых своих основателей. Много вышло из нее и проповедников Слова Божия у язычников, много и епископов благочестивых. Так распространялась вера православная в Русской земле вскоре после св. Владимира.

Князь Владимир Всеволодович Мономах и потомки его Мономаховичи

Князь Владимир Всеволодович, прозванный Мономахом (греческое слово, которое значит «единоборец»), по имени деда своего по матери, греческого царя Константина Мономаха, был правнук св. Владимира, крестившего Русскую землю.

Тяжело было то время, когда жил Мономах, по тогдашнему обычаю делить государство, как обыкновенно делят наследство, между всеми сыновьями князя, а в Русской земле было много князей, чуть не на каждый город приходилось по князю. Князья эти должны были слушаться старшего, который жил в Киеве; да не всегда исполняется то, что следует исполнять; так и старинные князья наши не слушались старшего, да и старший не всегда охранял, часто обижал младшего. Особенно часто ссорились между собою из-за того, кому быть старшим или кому владеть таким городом, который побольше и попочетнее. В одном старинном сочинении, которое называется «Слово о полку Игореве», т. е. о походе (мы еще будем говорить о нем), описывается поход князя Игоря на половцев, кочевавших, как теперь кочуют калмыки, в степях придонских. В этом-то сочинении говорится о кня-

жеских ссорах: «В этих ссорах коротался век людской, тогда редко в поле можно было слышать голос пахаря, а чаще кричали вороны, деля добычу, да разговаривали между собою галки, спеша на пир». Еще хуже княжеских ссор были нападения половцев, которых часто нанимали князья друг против друга, а иногда и сами дикари нападали, видя, что князьям некогда от них обороняться. Половцы, нападая на русские города, грабили и жгли их; а жителей городов и сел уводили в полон. Вот как очевидец описывает половецкое нашествие: «Одних ведут в полон, других убивают, иных мучат, иные трепещут, видя смерть ближних, других морят голодом и жаждою. Города и села опустели; пойдем в поле: где прежде паслись кони, волы и овцы, там теперь все выжжено; поля заросли травой, на них поселились дикие звери. Много христиан страдало в плену: ведут их, печальных, мучат, зимою морозят; от голода, жажды и печали похудели их лица, почернело тело; идут они по чужой земле, наги и босы, терн колет им ноги; со слезами говорят друг с другом: „Я из такого-то города“, – говорит один; „Я из такого-то села“, – отвечает другой».

В такое смутное и тяжелое время люди приучались думать только о себе самих и ни за что считать вред, который делается ближнему: христианство тогда почти только что было введено и мало удерживало от злых дел. Мономах оставил своим детям завещание, как им жить. Из того, что он не велит им делать, лучше всего видно, что тогда делалось.

«Больше всего, — говорит он, — не забывайте бедных, но кормите сколько можете по силе; подайте сироте, сами судите вдовицу и не позволяйте сильным погубить человека. Не убивайте ни правого, ни неправого и не давайте убивать: если кто и будет достоин смерти, не погубляйте человека. Когда говорите что-нибудь, хорошее или худое, не клянитесь именем Божиим, не креститесь: в том нет никакой нужды. Если вам будет нужно в чем-нибудь присягнуть брату или кому-нибудь другому, то подумайте прежде, можете ли исполнить, тогда присягайте, а присягнувши, сохраняйте присягу, чтобы не погубить своей души». Надо сказать, что в то время клятвою дорожили очень мало.

«Не имейте ни в сердце, ни в уме гордости, — продолжает Мономах — а говорите: мы смертны; сегодня живы, а завтра в гробу. Все, что ты нам дал, — твое, а не наше. Поручил нам на мало дней. Не зарывайте в землю: это великий грех. Старых почитайте как отца, молодых — как братьев. В дому своем не ленитесь, не полагайтесь на тиуна (так назывался доверенный человек князя, которому он иногда поручал и суд), ни на раба, чтобы не посмеялись приходящие ни дому вашему, ни обеду вашему. Отправясь на войну, не ленитесь, не полагайтесь на воевод, не предавайтесь питью, ни еде, ни сну. Сами расставляйте сторожей и, когда все устроите, ложитесь спать. Вставайте рано. Не снимайте с себя оружия, не оглядевшись: от лености часто вдруг погибает человек. Берегитесь лжи, пьянства и блуда: в том душа погибает и тело.

Когда идете через свои земли, не позволяйте окружающим вас делать зло ни своим, ни чужим, ни в селах, ни в полях, чтобы вас не проклинали. Куда же ни пойдете, где ни остановитесь, напоите и накормите нищего; а более всего почитайте гостя, кто бы он ни был: простой человек, или знатный, или посол; не можете подарить чем-нибудь, то напоите и накормите: ходя по разным землям, они прославляют человека добрым или злым. Посещайте больных, ходите на погребение мертвых: все мы смертны; не обходите никого своим приветом, каждому скажите доброе слово. Жену свою любите, но не давайте ей над собою власти. Наконец, выше всего ставьте страх Божий. Если что позабудете, то перечитывайте чаще: и мне будет не стыдно, и вам хорошо. Что знаете хорошего, того не забывайте; чего не знаете, тому учитесь; так отец мой, сидя дома, выучился пяти языкам. За это уважают в чужих землях. Леность всему мать: что знает, то забывает, чего не знает, тому не учится; не ленитесь ни на что доброе. Прежде всего ходите в церковь: пусть солнце не застанет вас в постели. Так делали отец мой блаженный и другие мужи совершенные. Воздав утреннюю хвалу Богу, следует, когда взойдет солнце, взглянув на него, прославить Бога с радостью и сказать: „Просвети очи мои? Христе Боже, и дай ми свет свой красный; и еще, Господи, приложи ми лето к лету, да прок грехов своих покаемся, оправдим живот, тако похвалю Бога. Потом сесть советоваться с дружиною, или судить людей, или ехать на охоту“».

Завещание Владимира Мономаха. Художник В.П. Верещагин

Так наставлял детей своих добрый князь; так и сам по-

ступал он; а потому, когда он умер, оплакивая, называл его: «братолюбец, христолюбец и добрый страдалец за Русскую землю». Много лет спустя после его смерти один из его внуков, Изяслав Мстиславич, звал киевлян на дядю своего Юрия. «Не подыдем руки на племя Владимирово», – отвечали киевляне. Так долго жила в народе добрая память о Владимире.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.